

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

г. Москва

ЗАПРЕТ на прозрение

роман

*Подлинная опережающая информация – ключевой ресурс.
Ценнее, чем деньги, важнее, чем нефть, дефицитнее,
чем профессиональные кадры.
Информация о будущем – это абсолютное оружие.*

С. Кугушев

*В этом мире возможно все –
нужно только направить на него силу своего сознания.
Я знаю, что человеческое сознание способно творить чудеса.*

Тим Перес

Здание Пентагона поражало генерала ЦРУ Стива Рейса. Его всегда охватывало волнение при виде прямоугольных линий этого бастиона военной мощи США. И сегодня, подъезжая к зданию, он невольно вспоминал совместное военное прошлое с этим ведомством. А сделано было немало! Это и тесное взаимодействие ЦРУ и Пентагона во время боевых действий в среде гражданского населения в Панаме, и попытки найти неуловимого президента этой страны Мануэля Норьегу. Помнил Рейс и о неудачах в Сомали, трудностях на Гаити, проблемах миротворческой операции на Балканах, нескончаемых сложностях в Персидском заливе. В этот раз по косвенным данным, полученным в разговоре с директором своего ведомства, предстояла операция в стране, с которой Стив Рейс всегда опасался связываться. Его отец – полковник Майкл Рейс – предупреждал, что с этой страной лучше быть союзниками, как во времена последней Великой войны, чем врагами, считая ее легкой добычей, в нынешнем, урезанном статусе. Но предостережения, связанные с «семейными преданиями», никогда не были для Стива Рейса препятствием для выполнения служебного задания. По некоторым сведениям, его вызывали неспроста. К тому же генерал Барри Мак Кэффри, которого он знал еще по войне в Персидском заливе, слыл жестким штабистом, и если его выбор пал на Рейса, отвертеться шансов не было. Барри был одним из тех, кто в середине 90-х, еще совсем молодым полковником участвовал в создании долгосрочного военно-стратегического плана «Единая перспектива-10» и разведывательного «Проекта-2020». И если сейчас пробил час реализации этих планов, то Рейс мог только гордиться, что выбор пал именно на него. О самом задании он

ничего не знал, но понимал, что оно окажется не простым и связано будет с Россией. Крупное военное учение, в котором впервые за последнее десятилетие задействовано такое количество авиации, бронетехники и войск НАТО, нацеливало свои удары на Калининградскую область, а затем через дружественные Польшу и Украину – дальше, в сторону России. Набросок плана этих учений Рейсу показали перед отправкой в Пентагон, чтобы хоть отчасти подготовить его к предстоящей встрече с опытным и жестким генералом Барри Мак Кэффри.

Кэффри встретил Рейса на удивление доброжелательно. За последние годы штабной работы он раздобыл. Еще больше полезли к макушке залысины. Из-под густых бровей на Рейса смотрели карие пытливые глаза властного, уверенного в себе человека.

– Стив, рад тебя видеть.

Они обменялись рукопожатием, и Кэффри указал на кресло.

– Это я, по старой памяти, попросил, чтобы прислали тебя. Видишь, старые связи прочнее новых назначений.

– Спасибо, Барри.

– До сих пор вспоминаю, Стив, наши встречи у меня в бригаде в Ираке. Помнишь?

Рейс утвердительно кивнул и заулыбался.

– И в Афганистане мы были вместе, – продолжил Кэффри.

– Да, твоя 24-я пехотная дивизия и там была, – подхватил Рейс. – Где твои ребята сейчас?

– Под Мюнхеном, Стив. Там находится штаб наших сил. На этот раз это не только учение войск НАТО, но и нечто большее. Возможно, большее! – Рейс знал эту способность Кэффри внезапно переходить в разговоре к деловой части и стал внимательно слушать.

– Однако это «большее» может сорваться.

Рейсу не надо было объяснять, что обозначает загадочное «большее» у границ с Россией, и он, вспомнив предостережение отца, съезжился. Однако слово «сорваться» он не пропустил.

– Произошла информационная утечка. Причем, по нашей версии, весьма существенная. Поэтому маховик запущенной работы оказался под угрозой. Придется исправлять все на ходу и как можно скорее. Итак, мы решили поручить вашему ведомству разобраться вот с этим вопросом. – Кэффри протянул газетную вырезку, где красным и синим карандашами были подчеркнуты некоторые места.

Это было интервью с некогда стажировавшимся в Америке русским политологом Алексеем Петровичем Самариным в связи с предстоящим выходом его книги. У интервью был броский заголовок: «Посол США проговаривается о тайнах своей «крепости». Публикация на первой полосе была большой и сенсационной. Недосказанности в ряде последних выступлений американских военных и политологов в интервью Самарина были разгаданы и раскрыт был их истинный смысл. Некоторые места интервью кем-то из «пентагоновцев» были старательно подчеркнуты красным карандашом, а синим те строчки, где русским политологом указывались сроки предстоящих военных учений и их подлинные цели. Беглый просмотр Рейсом подчеркнутых мест в публикации не только представлял угрозу предстоящим планам, вскользь обозначенным генерал-полковником, но делал бессмысленным весь замысел. Становилось очевидным, что неизвестный политолог, превосходно понимая общую военно-стратегическую концепцию американских вооруженных сил, умело расставляет акценты и доказательства на основе высказываний самой же американской элиты. Однако дар неизвестного русского был не только в умении собрать разрозненные сведения и составить некий политический гороскоп, а в том, что эти выводы по своей точности были похожи на нечто другое. Рейс уже однажды соприкасался в своей работе с причудливым миром современной физики, более похожей по своей глубине на древнюю магию. Невольно вспомнился ему и человек, историей которого он одно время вплотную занимался. Это был Хью Эверетт-младший – физик,

оборонщик, миллионер, имя которого, по общему мнению, сегодня в одном ряду с Ньютоном, Максвеллом и даже Нильсом Бором. Утверждения Эверетта-младшего, что существует не одна реальность, а множество, и что это множество включает все вероятно существующие миры, а также миры, возникающие как последствие происходящего в существующих мирах изменения. Тогда ведомству Рейса потребовалось немало усилий, чтобы во всем этом разобраться. Но сегодня этот русский доказал, что дело пошло дальше. Он владеет уже некой методологией, благодаря которой с большой долей вероятности можно просчитать самые секретные сведения. В какой-то момент его размышления оборвал Кэффри.

– Вот что я тебе скажу, Рейс. Этот русский «небожитель» очень опасен. Он либо нашими болтунами так информирован, что уже является преступлением, либо у этого типа дьявольский дар, что еще страшнее, потому что «неуправляемые объекты», тем более когда-то побывавшие на стажировке в Америке и загадочно покинувшие ее, опасны вдвойне. Как бы там ни было, Стив, оставить это интервью и предстоящий выход книги безнаказанно мы не можем. Кто знает, какие еще «откровения» придут в голову этому автору и как это может отразиться на наших планах. Поэтому, Стив, ты должен в самое короткое время, буквально в часы, разобраться с этим политологом и дать нам гарантии, что все столь тщательно подготовленное «мероприятие» не под угрозой. Любой упреждающий шаг с той стороны может склонить чашу весов не в пользу тех, кто сегодня пока еще в большинстве. Откровеннее я тебе сказать не могу, да и не нужно. Знаю, что ты все схватываешь на лету. Иначе я не предложил бы именно тебя для выполнения этого задания. Итак, нам нужно знать все об этом Самарине. Кто его информирует? Откуда утечка, если это утечка? И вообще, что это за феноменальная чертовщина: выболтать такое, чтобы поставить под угрозу все, что готовилось нашими военными десятилетия. Вы меня поняли, генерал?

Рейс резко поднялся и четко ответил:

– Да, генерал. Разрешите действовать.

– Приступайте. Вот папка, собранная нашей

разведкой, — Кэффри стал перелистывать страницы. — Здесь это злополучное интервью, сведения о гранте, полученном Самариным в конце 80-х, данные о семье, о загадочной смерти первого мужа жены Самарина — профессионального боксера Виктора Козловского, убитого в Лас-Вегасе, и кое-что другое. Повторяю, действовать надо быстро и докладывать о ходе операции лично мне. Генерал, вы свободны. Желаю успеха.

Стив Рейс хотел уйти, но что-то его удерживало. Ему надо было знать, насколько вероятность его предчувствий оправдывается и как далеко зашло дело. Его задержка была правильно понята. Кэффри вздохнул и обреченно добавил:

— Ты хочешь, старый приятель, узнать, насколько все серьезно?

Рейс утвердительно кивнул.

— В ближайшем будущем это означает желание предпринять военную операцию, потому что дипломатические усилия очевидно не увенчались успехом. Это примерная цитата из документов. Когда? Не знаю! Добавлю, есть и запасной план, но об этом говорить будем не сегодня. На сегодняшний момент многое зависит от тебя. Нельзя начинать большое дело, не будучи уверенным, что противник не знает о твоих намерениях. Все! Добавить ничего не могу. Успеха вам, генерал.

Они вновь пожали друг другу руки, и, четко развернувшись, Стив Рейс вышел из кабинета.

* * *

Бывают дни, когда человек делает все, что ему противопоказано. Самарин хотел поехать к редактору на машине, однако стал добираться на метро. После просмотра верстки редактор Неля Семеновна, вручая Самарину упакованную рукопись, предложила вызвать такси, но тот отказался, решил пройтись и подышать воздухом.

— Стоит ли пешком идти, Алексей Петрович? — провожая до лифта, настаивала Неля Семеновна. — Ведь устали, наверное? Да и поздно уже. Такси к нам быстро приезжает. Давайте вызову? А вы пока у подъезда подышите.

— Нет, нет, не настолько устал, чтобы отказать себе в свежем воздухе. Надо двигаться, Неля Семеновна. Помню, Амосов говорил мне: Алеша,

здоровье зарабатывают ногами. Превосходная мысль. Лучше не скажешь! Пойду.

И впрямь, свернув за угол дома на аллею Жемчуговой, Самарин распрямился, задышал полной грудью, смешно разводя руками. Со стороны казалось, что он пробует каким-то образом взлететь или от радости по-мальчишески пританцовывает в связи с окончанием работы над книгой. Выглядел он для своих шестидесяти лет вполне молодежато. Нередко ему приходилось слышать от близких друзей — «вам надо блюсти себя: молодая жена, хоть и не свой, но подросток сын»... Алексей Петрович охотно соглашался. Занимался спортом, быстро и выносливо бегал, не брезговал диетой, был худощав, жилист и чувствовал себя намного моложе своего возраста. Портили его, правда, ранняя лысина и заметная шишка на затылке — след падения в детстве. Шишка была небольшая, еле заметная, но еще с детства повлекшая за собой многие странности в поведении профессора. Его нередкие «зоны молчания», как он их называл, или «отключки», как определяли это близкие, объяснялись этим странным бугорком на затылке. В остальном же Алексей Петрович был таким же, как и другие ученые его возраста. Лицо его было скорее добродушным, с тонкими чертами и выразительными, чуть раскосыми зелеными глазами. В работе он был форменным трудоголиком — одержимым, упрямым и удачливым. Отдыхал тоже по-своему: приучил себя к длительным прогулкам, где позволял, если не было рядом людей, короткие пробежки и по собственной методике дыхательную гимнастику. Поэтому совсем не случайно он после встречи с Нелей Семеновной решил прогуляться и подышать.

Дорога была хорошо освещена, но тротуар, отделенный лужайкой, находился в тени. Издалека в сумеречном свете Самарин походил на большого прыгающего кузнечика, отбрасывающего тень на асфальте. Настроение у политолога было таким приподнятым, он так был поглощен размышлениями о готовящемся издании книги, о надвигающейся презентации, множестве оппонентов и предстоящей борьбе с ними, что не заметил, как сзади притормозила машина, из нее вышли двое мужчин, которые стали быстро его догонять. Сама же машина — огромная и черная, неожиданно проехав вперед, въехала на

лужайку и оказалась прямо перед политологом. Из машины выскочил крупный мужчина в джинсовом костюме с перекошенным, неживым лицом и бросился к Самарину. Осознав опасность, Самарин стал пятиться, инстинктивно пряча рукопись, и, развернувшись, бросился бежать. Но сзади его уже схватили двое других, вырвали пакет с рукописью и заломили руки. Дыхание его внезапно наполнилось едкой смесью, он из последних сил рванулся, пытаясь освободиться от сжимавших горло рук, но вскоре потерял сознание. Бандиты быстро заволокли его в похожий на катафалк «джип» и свалили вниз между сиденьями. Мелькнув освещенными окнами, машина, набрав скорость, мгновенно исчезла в одной из аллей Кусковского парка.

Все произошло так быстро, что нападавшим показалось, что ни один человек не может засвидетельствовать, как исчез вместе с последней рукописью известный политолог. Однако бандиты ошибались. Один человек все-таки видел, как проходил захват Самарина, и даже узнал его лицо, знакомое по телевизионным передачам. В довершение всего механически запомнил номер машины — Р686 СО 97. Это была Ольга Васильевна Страхова, гулявшая в это время со своей фокстерьершкой Соней. Находясь в тени, близко от дома, она успела заметить конец схватки, повернутое на секунду в ее сторону искаженное от боли лицо политолога и номер машины, помчавшейся в сторону Кусковского парка. Торопливо вернувшись в квартиру, она хотела позвонить в милицию, но почему-то дома ее решимость улетучилась, и, записав на календаре номер машины, она решила со звонком повременить.

* * *

Марков в это утро проснулся рано. В глубине квартиры еле слышно подал сигнал Сир — большой трехлетний итальянский мастиф, приученный хозяином выходить в это время на прогулку. Взглянув на часы, Марков удивился: пять утра для его собаки было рановато. Но делать нечего. Ни с того ни с сего пес его не будил. «Видно, съел что-то несвежее», — подумал Марков и, заботливо укутав одеялом жену, неторопливо направился в ванную, по пути он тихонько при-

открыл дверь в комнату Агриппины. Дочка, как и мать, спала, разметавшись по всей постели. Осторожно передвинув дочурку с края к центру тахты, Марков прикрыл ее свалившимся на пол одеялом.

Через несколько минут, надев спортивные брюки, пуловер и прихватив поводок, он спустился с собакой вниз, а выгуляв пса и взглянув на часы, решил позвонить сыну в Благовещенск. После окончания юрфака иркутского университета Кирилл одно время занимался адвокатской практикой, а потом подался в прокуратуру. Тут его и высмотрел прокурор Благовещенска, пригласив к себе. По его настоянию Кирилл с Агиной и дочерью перебрались в Благовещенск. Новоиспеченного юриста заманили квартирой и перспективной работой. Родители Агины хоть и упирались, но Кирилл, желая самостоятельности, настоял на своем и никогда не пожалел об этом. В Благовещенске нашел друзей, сумел завоевать авторитет вначале как следователь, а потом и как заместитель прокурора города.

Звонок отца застал Кирилла во время обеденного перерыва в какой-то столовке. После трагической гибели Агины и внучки Марков не раз просил сына перебраться в Москву, но тот не соглашался. Чаще отвечал с горькой усмешкой: «Я прирос к могилам и переездам». В этой фразе была голая правда.

Несколько лет назад Агина с коляской, в которой находилась дочь, поскользнулась на заледевшем переезде и, замешкавшись, попала с девочкой под встречную электричку. Кирилл остался один в однокомнатной квартире с видом на Амур, на краю Благовещенска. Как он неоднократно шутил — сбывлась мечта детства: когда-то отец служил в этих краях, а теперь он за китайцами приглядывает.

Вот и сейчас, намеренно затеяв разговор о переезде, Марков услышал в ответ: «Папа, у вас в Москве есть первоклассные криминалисты, нам — провинциалам, за ними не угнаться. А потом, ты же знаешь, я специалист по китайской мафии, а её в Москве словно и нету.

— Почему? У нас китайцами на Черкизовском рынке милиция занимается, — возражал Марков.

— Как мертвому припарки это, отец. Набрали случайных людей, иногда даже бывший криминал, платят копейки и хотят, чтобы такие люди

порядок обеспечили, да еще и с китайцами справились. Китайские триады, от которых у нас здесь скулы сводит, уже давно прочно обосновались в Москве. И твою милицейскую бранию перекупили на корню, причем на десять лет вперед. Как говорит мой шеф: «Скупой платит дважды». Сегодня боимся этой темы касаться — завтра об нее будем «спотыкаться» на каждом втором случае. Нет, папа, я пока здесь останусь. И потом, никто меня в Москву, кроме тебя, не зовет. А пригожусь, и без тебя затребуют. Прокурор — человек служивый, прикажут — встанешь по стойке смирно.

Поговорив с сыном о разных мелочах, в том числе и о готовящемся юбилее прокурора Благовещенска, за художественную часть которого отвечал сын, Марков положил трубку и вернулся в спальню. Прикрыв глаза, он мысленно стал набрасывать план на последние две недели октября. Надо было закончить главу новой книги, съездить в Нижегородский кадетский корпус и решить вопрос о ремонте, о котором давно просил директор Крылович, положительно ответить своему давнему компаньону Вайсу о переносе части фармацевтического бизнеса в США, закончить отделочные работы в новом корпусе изрядно разросшегося собственного издательства, помочь провести литературный фестиваль российских писателей-соотечественников в Чехии и, наконец, заняться своим здоровьем. Последние полгода его тревожили швы, оставшиеся после операции на лице и шее. Периодически они краснели, и кремы, рекомендованные доктором Чердак, перестали действовать. Телефонные консультации не помогали, надо было ехать на обследование в Германию, в клинику Вайса. Но времени на это, как всегда, не было. Тем не менее он достал баночку с кремом и аккуратно смазал тонкие покрасневшие швы и только потом решил ненадолго прилечь. Странно, но с момента пробуждения он чувствовал какую-то необъяснимую тревогу и не мог понять, с чего бы это? Полежав с закрытыми глазами, он, чтобы отвлечься, решил почитать и взял первое, что попало под руку. Это был светский журнал, купленный женой из-за страницы рецептов по уходу за кожей лица. Валентина купила его в надежде, что они помогут ему. Но рецепты оказались не для его случая.

Прочитав первые страницы о свадьбе знаменитой балерины, Марков задремал. Неожиданно он увидел эту балерину во сне. Почему-то сон оказался «зимним»: Марков с балериной гуляют в парке, кругом белым-бело, много лыжников, конькобежцев, все счастливы. В этой благодушной обстановке происходит неожиданное событие: незнакомый мальчишка крадет из-под носа Маркова детские санки дочери. Марков бросается вслед, пытается поймать воришку и в это время просыпается. И тут же, перекрывая сонные видения, оглушительно прозвучал телефонный звонок. Он взглянул на часы и, почувствовав, что такой ранний звонок не к добру, с тревогой взял трубку.

Звонил охранник из издательства. Перепуганным голосом он доложил, что на третьем этаже найдены следы преступников, проникших в редакторские комнаты со стороны двора. Со слов охранника выяснилось, что в одном окне обнаружено большое круглое отверстие, вырезанное чем-то острым, через которое, по всей видимости, и проникли преступники.

— Что конкретно украдено? — перебив охранника, спросил Марков.

— Не знаю! На первый взгляд, ничего. Но видно, что копошились у каждого стола. Вроде все на месте, — докладывал охранник, — однако какой-то непривычный вид на всех столах. То ли что-то искали, то ли ковырялись в компьютерах.

— Ничего не трогайте. Я скоро буду, — приказал Марков, одеваясь на ходу.

Вскоре он уже сидел за рулем и мчался в издательство. Несмотря на раннее утро, Москва уже была на колесах. По дороге он все больше понимал, что случившееся этой ночью в издательстве ломает все его планы и неизвестно, чем закончится. «Кажется, билет на завтрашний поезд в Нижний Новгород пропадет», — думал он. Ни глава книги, ни даже здоровье его так не волновали, как кадеты. Ему было жаль их. Он любил бывать в Нижнем. Многие ребята стали для него с годами друзьями. «Надо же, сообщил о своем приезде, и теперь получается, что обманул. Позвоню Крыловичу — извинюсь», — решил он.

Задержавшись в пробках, Марков приехал, когда перепуганный зам уже вызвал милицию.

Три милиционера, из которых двое были женщины, деловито осваивали пространство

издательства. В кабинете секретаря красивая, гладко причесанная брюнетка в звании лейтенанта писала протокол осмотра, а в соседней комнате собрались капитан милиции с уставшим, озабоченным лицом, охранник, звонивший с утра, еще одна женщина в милицейской форме и недавно принятый на работу заместитель Маркова, который торопливо, с виноватым лицом, стал оправдываться, почему поспешил с милицией.

— Вижу, что вы задерживаетесь, Вадим Борисович, а люди идут, вот и решил вызвать наряд.

Марков не стал разбираться при посторонних и лишь спросил, что все-таки пропало?

— Ничего! — хриловатым, но довольным голосом сообщил охранник.

— На первый взгляд, ничего, — поправил охранника заместитель.

— Какие у вас материалы в этих компьютерах? — указал капитан на три крайних стола.

— Обычные редакционные материалы. В основном рукописи авторов, готовящиеся к изданию, — пояснил Марков.

— Нет ли среди них материала, составляющего информационную или государственную тайну? — неожиданно спросила стоявшая в стороне неказистая, застенчивая женщина в звании старшего лейтенанта.

Вот тут Маркова словно озарило. Он подошел к последнему столу, включил компьютер и через некоторое время громко воскликнул:

— Здесь копались! Исчезла рукопись профессора Самарина.

Все с недоумением уставились на Маркова. Он сделал торопливый жест — мол, продолжайте изучать обстановку, и быстро прошел в кабинет. Перевернув листок календаря, он нашел номер телефона профессора Самарина и позвонил. Несмотря на ранний час, трубку сразу же взяли, словно только и ждали звонка. Это был встревоженный голос жены Самарина — Виктории. Услышав Маркова, она сбивчиво стала рассказывать, что со вчерашнего дня муж пропал, что она уже заявила в милицию. Далее Маркову пришлось выслушать все предположения, пока не возникла пауза. Вот тут Марков вставил сообщение о пропаже рукописи. На том конце провода послышался короткий вздох, после чего будто наступил момент истины.

— Боже мой, так вот из-за чего! — шепотом прозвучало в трубке. — Вы на работе?

— Да, — отозвался Марков.

— Вадим Борисович, мне придется посмотреть его компьютер. И будьте, пожалуйста, на месте. Я вам перезвоню.

Через десять минут телефон Маркова зазвонил. Это была опять жена Самарина. Дрожащим голосом она сообщила, что текст рукописи в компьютере найти не может.

— Вадим Борисович, приезжайте, может, вы найдете этот файл, а то я сойду с ума. Кстати, звонил Крейч из «Московского комсомольца». Константин Александрович делал с мужем последнее интервью. Он считает, что надо бить тревогу по всем каналам. У него сегодня выступление на радио, к тому же он обещал дать срочный материал в газету. Но и это не все! Тут еще одна беда — мобильный телефон сына не отвечает.

— А что с сыном, разве он не с вами? — поинтересовался Марков.

— Сын с утра поехал по следам отчима, и вот — ни слуху ни духу. Его телефон молчит.

Марков проговорил еще несколько минут, пытаясь успокоить взволнованную женщину, и пообещал заехать к ней.

* * *

Подготовительный этап военных учений натовских войск под Мюнхеном подходил к концу. С воздуха было видно, как на громадной территории двигалась к местам назначения пехота, пылила бронетехника, в небе барражировали самолеты... В главном штабе настроение было приподнятым. В эфире на командном пункте звучала какая-то победная мелодия, что придавало лицам военачальников особое, героическое выражение. В данной европейской части это было третье по счету военное учение за прошедшие пять лет. Однако последнее было не только масштабнее, но и взаимодействовало с войсками, находящимися на базах в Турции, Азербайджане, Грузии, аэродромах в Прибалтике. Известно, что в каждом военном учении взаимодействуют противоборствующие силы, но в данном случае — главный противник, по ряду косвенных составляющих, находился где-то на Востоке.

Представитель ЦРУ генерал Стив Рейс хоть и был под благовидным предлогом откомандирован на эти учения, но высокое начальство знало о его миссии. Выполнив ее в начале «военной кампании» и сообщив результаты в Вашингтон, Рейс в последующие дни, как он сам в шутку определял свое поведение, предавался порокам. А повод для этого был.

Как ни старались его ребята во время захвата Самарина в Москве и позже — во время переброски «клиента» через Украину под Мюнхен, шумиха все-таки поднялась. Первой отреагировала московская многотиражка — та самая, опубликовавшая злополучное интервью, затем появились информации в Китае и Индии, а чуть позже с явным намеком выступила одна из левых газет штата Аризона. Первоначальный план переброски «клиента» в США был изменен до принятия соответствующего решения, и причиной тому был сам «клиент». Самарин вел себя упрямо и вызывающе. Сотрудничать не хотел, более того, позволял себе отпускать такие пассажи, что не на шутку всех озадачил своей информированностью. Он знал о таких мелочах готовящейся «акции», что руководству приходилось многое менять на ходу. Это привело к разногласиям, потере темпа и спешке в принятии последующих решений. И хоть машина уже была запущена, но всех лихорадило, и почему-то во всем винили Рейса. Хотя причина была не в качестве проведенной операции, а в неучтенной, небывалой популярности Самарина. Его держали под замком, недалеко от Мюнхена, и хоть пытались с ним работать, но толку было мало. Чтобы добиться результата, нужна была технологически обеспеченная обстановка. А здесь, под Мюнхеном, все было чужим для Рейса и главное — донельзя отсталым. Впервые он ждал команды сверху, а собственное решение, за что его многие годы ценили, как назло, в голову не приходило. В это утро у него нестерпимо болела голова и давала о себе знать печень, уставшая от его ночных возлияний, вдалеке от строгого ока жены и дочери. Он был в том возрасте, когда «бес в ребро» с особенным злорадством подстерегает мужчин и с удовольствием мучает их душу и тело. Ночь он провел с какой-то ресторанной шлюшкой, для пущей важности поднабрался и рано утром, садясь в поданную машину, почувствовал себя сов-

сем плохо. Это не помешало ему послать шофера в ночной бар за коньяком и на всякий случай аккуратно спрятать его в кожаный портфель, с которым генерал никогда не расставался. Портфель он намеренно оставил в одной из свободных комнат, а ключ от нее захватил с собой. Утомившись от мелькания на экранах доблестных натовских войск и непрекращающихся переговоров, Рейс решил, что настала пора поддержать сердце коньячком. С этой мыслью он направился к запертой комнате. Надо сказать, что кумиром генерала уже многие годы был Уинстон Леонард Спенсер Черчилль. Как и Черчилль, генерал был дальним родственником герцогов Мальбруков по американской линии, так же, как и его кумир, был работоспособен, прозорлив и везуч. Переняв практически все привычки своего обожаемого Уинстона, вплоть до подозрительного недоброжелательства к России, генерал Рейс, тем не менее, не унаследовал могучего здоровья своего кумира. В последние годы он со всей очевидностью это почувствовал. Но, как все самоуверенные люди, считал, что, стоит ему только захотеть, и все блистательно разрешится. Поэтому проблемы со здоровьем он откладывал до момента, пока не приспичит. Вдоволь отпив коньяку, Рейс нехотя закусил найденной на дне портфеля позавчерашней колбасой и незаметно вернулся в общий зал, со специальной комнатой для курения. Развалившись в кресле, он закурил сигару и вскоре почувствовал такую боль, от которой перехватило дыхание. Печень стала тяжелой и завывала, как скорая помощь. Он повернулся на левый бок, но и в этом положении боль не отступала. Тогда он достал из маленького кармашка таблетки, которые в таких случаях ему помогали, и, бросив в рот сразу три, запил водой из графина. Тяжело дыша и неестественно выгнувшись в кресле, он стал ждать облегчения. Но не тут-то было. Минут через десять кто-то из obsługi обратил на него внимание, потому что он уже стал терять сознание и даже свалился с кресла. Спешно вызванная дежурным врачом бригада «скорой помощи» решила взять его в больницу. После длинных дебатов выяснилось, что наиболее близким и приемлемым медицинским центром была клиника Вайса в городе Прине. Перед погрузкой в машину Рейс пришел в себя и мужественно бросил хорошенькой медсестре:

— Надеюсь, мы с вами еще увидимся?

На что бойкая девица ответила:

— Конечно, генерал! Я с детства равнодушна к военным. А вы такой красавец.

Машина сорвалась с места и на большой скорости помчалась в сторону города Прина.

* * *

Конференция, проводимая «Американским социологическим университетом» по вопросам «Особенностей внешнеполитического мышления американцев», началась вовремя. Старейший член академии Билл Мор, несмотря на преклонный возраст, слегка заикаясь, произнес несколько вежливых фраз приветствия и предоставил слово докладчику. Доклад должен был делать академик Бореев. Однако из-за плохого самочувствия в последний момент выступающим был назначен его ученик — профессор Аврам Ронинсон.

Сам Бореев сидел в президиуме. Зная текст доклада наизусть, он слушал своего ученика вполуха. «Важнейшим феноменом внешнеполитического сознания США, — звучало с трибуны, — выступает непоколебимая вера в универсализм, пригодность для всего человечества американских ценностей, включая модель демократической государственности». Конференция была посвящена прошедшим выборам. Университет, все последние годы патронируемый Демократической партией США, раз в четыре года проводил конференцию, отработывая «свой хлеб». «Истоки такой слепой веры, — продолжал докладчик, — следует искать в менталитете первых американских колонистов, вознамерившихся создать в Новом свете уже в XVII веке «Град божий на холме» и «Новый Израиль». Надо сказать, что задача эта, по мнению американского истеблишмента, в какой-то степени выполнена. Взаимоотношения Америки и Израиля в новом тысячелетии, и особенно в последние годы, поставлены на невиданную высоту и являются образцом и гарантом мирового согласия и правопорядка». На этом месте доклада за кулисами появился высокий, чуть сутуловатый мужчина в военном комбинезоне и жестами стал подавать Бо-

рееву сигналы на выход. Сосед по президиуму осторожно тронул рукой практически уже задремавшего академика, кивая в сторону кулис, где находился неизвестный в комбинезоне. Бореев близорукими глазами попытался что-то рассмотреть в кулисах, но поняв, что это бесполезно, стал пробираться на выход.

— Слава богу, профессор, что вы заметили мои позывные. Капитан Джек Гарднер, — представился он и торопливо заговорил, отводя Бореева подальше от любопытных глаз, — помощник кандидата в президенты от Демократической партии Уильям Стеф просит вас срочно в прямом эфире выступить по телевидению с небольшим заявлением. Машина внизу, и если вы не возражаете, мы можем спуститься.

— А почему такая спешка? — на вполне сносном английском спросил Бореев. — Раньше Уильям Стеф в таких случаях звонил, предупреждал, и мы обозначали тему. Если наши взгляды совпадали, я охотно выступал. А выступать без подготовки — все равно что стрелять по облакам. Так что, молодой человек, передайте вашему шефу, что без предварительной договоренности я выступать не берусь. К тому же у нас, как видите, важная конференция. И потом еще одно обстоятельство, — Бореев оглянулся и указал на трибуну. — Видите, мой ученик читает мой доклад, что я сам из-за плохого самочувствия не смог сделать. Так что, молодой человек, поймите меня правильно, мне сейчас тяжело куда-то ехать, тем более выступать в прямом эфире с какими-то заявлениями. Передайте Уильяму Стефу мою благодарность, но, увы, по состоянию здоровья я не могу выполнить его просьбу. Всего доброго. — С этими словами Бореев протянул руку, желая попрощаться. Но не тут-то было.

— Одну минутку, профессор. — Молодой человек решительно отвел Бореева еще дальше от сцены и, ни слова не говоря, протянул несколько страниц текста.

— Это не просто «какое-то заявление», профессор, а заявление, связанное с государственной безопасностью США. К тому же ваше выступление санкционировано на самом высоком уровне. Вот примерная, разумеется, тема вашего выступления. Взгляните на первую страницу, и вам все станет ясно.

Академик нехотя надел очки и с первых строк

понял, о чем идет речь. Незадолго до конференции Бореев в тесном кругу коллег уже говорил об исчезновении хорошо знакомого ему политолога Самарина. Было известно, что некоторые «горячие головы» в американской прессе тотчас же обвинили Россию в разжигании вокруг этого прецедента очередного конфликта. Другие с не меньшей уверенностью утверждали, что это дело рук ЦРУ. Коллеги Бореева по университету, да и он сам, считали все случившееся недоразумением. Хорошо зная Самарина и считая его работы новым направлением в науке, Бореев всегда поддерживал талантливого коллегу и гордился теплыми отношениями, сложившимися с ним за последние годы.

Надо сказать, что приглашение работать в Америке ничуть не прервали отношений Бореева с Российской академией наук и со своими друзьями — учеными в новой России. Жена Бореева и его родственники по-прежнему жили в Москве, а сам ученый раз в два месяца бывал в родных пенатах и совсем не чувствовал себя оторванным от Родины. Такой баланс, сложившийся за последние пятнадцать лет, вполне устраивал Бореева, он им дорожил и считал в его случае приемлемым. Теперь же, судя по всему, ему предлагали нарушить этот баланс и выступить на одной стороне. К тому же из текста вытекало, что Самарин был псевдоученым, клеветником и человеком, вознамерившимся поссорить Америку с Россией и с Китаем. В личном плане Самарина представляли как неблагодарную личность, получившую когда-то возможность стажироваться в США и мстившую теперь своим бывшим покровителям.

— Молодой человек, но все это, мягко говоря, вымысел, — осторожно возразил Бореев. — Я хорошо знаю Самарина. Он настоящий ученый. Честный и открытый человек. Зачем же его так? Я с этим не согласен!

— Вот и хорошо, — быстро подхватил военный, — вы об этом и скажете. Важно, что именно такой, всеми уважаемый ученый даст оценку этому человеку. Теперь вы понимаете, как важно, чтобы вы выступили.

Бореев устало махнул рукой, подозвал одного из дежурных и попросил передать, что на час отлучится на телевидение.

В машине он еще раз просмотрел предло-

женный текст и, набросав конспект своего выступления, успокоился.

«Прежде всего, — решил он, — надо умерить страсти. Самарина как потеряли, так и найдут, а отношения между Россией и Америкой надолго испортятся. И обязательно буду говорить на русском, чтобы не ссылались на мой плохой английский».

Эти его размышления прервал звонок мобильного телефона. Звонила жена — Людмила Васильевна — из Москвы.

— Ты меня застала по пути на телевидение, — стал кричать Бореев в трубку. — Попросили выступить по поводу Самарина. Куда он у вас там подевался? Тут такой ажиотаж!

— Я как будто чувствовала, что тебя попытаются использовать в этом деле, — взволнованным голосом отвечала жена. — Лучше бы ты не связывался с этим. Я читала интервью Самарина — Алексей Петрович прав. Американцы твои что-то затевают, и Самарин об этом умело намекнул в интервью. Недаром его книга исчезла еще не напечатанной. У нас тут некоторые уже о войне говорят. Поэтому будь осторожен, Юра. Лучше бы ты домой ехал, всех денег не заработаешь. Пенсию тебе прибавили, так что и на нас, и на детей, если жить поскромнее, хватит.

— О какой войне ты говоришь? — переспросил Бореев, когда сентенции жены закончились.

— О той самой, которая камня на камне не оставит. Лучше молчи, если уж не можешь им врезаться. Поэтому прошу тебя, не лезь в эту свару. Слышишь? Потом не отмоешься ни здесь, ни там. Будь осторожен, Юра, тебя могут втянуть в недостойную авантюру. Понял?

— Кажется, понял. Спасибо, что позвонила. Перезвони мне через полтора часа.

— Хорошо. Но обещай мне быть умницей.

— Конечно, конечно... — пробормотал вконец запутанный академик, отключая мобильный. «Как хорошо, что она позвонила, — подумал Бореев, искоса поглядывая на своего попутчика, — везут словно арестованного. Вот возьму и врежу им по самую макушку. Пусть потом локти кусают, коль такие умные».

В этот раз Бореев на телевидении действительно разошелся. Всегда предельно осторожный, он вдруг не только защитил Самарина, дав ему как ученому высочайшую оценку, но и заметил,

что в книге Самарина, к которой он собирался по просьбе автора написать предисловие, не видит никакого повода для обострения межгосударственных отношений и якобы нагнетания со стороны России военного противостояния. Более того, ему кажется, что именно здесь, за океаном, кому-то очень хочется обострения обстановки, забывая, что Россия ядерная страна, с которой нельзя вести себя легкомысленно. Далее он коснулся содержания самой книги:

— В первом варианте автор действительно пишет о сложных отношениях между Америкой и Россией, видит, что подчас американская сторона использует приемы, недостойные великой страны. Местами книга полна тревожных предчувствий, резких высказываний в адрес военной и политической элиты, возможных сроков обострения таких отношений в будущем, но это никак не означает, что автор призывает готовиться к войне с Америкой и тем более напасть на нее первой. Ничего подобного в книге Самарина нет. Как, на мой взгляд, нет этого в проводимом ныне политическом курсе России.

Ведущая, беседовавшая с академиком на английском, поблагодарила Бореева и вскользь заметила:

— Слава богу, что не прямой эфир, а то хороша бы я была.

— А разве это был не прямой эфир? — удивился Бореев.

— Нет, мы решили дать ваше выступление вечером, — бросила она на ходу, направляясь в монтажную. На секунду у Бореева мелькнула мысль, что к вечеру его могут «подредактировать», но, вспомнив весь текст выступления, успокоился.

— Нет, переиначить мое заявление невозможно.

Замечено: чем крупнее и значительнее человек, тем вероятнее в его характере недочет мелочей. Умение контролировать крупное и важное вполне уживается у таких людей с пренебрежением к частностям. Бореев так был сосредоточен на вопросах, которые ему задавали, что не заметил больших пауз после каждого ответа на заданный вопрос. Одним словом, он и не подозревал, с какими намерениями его собеседница отправилась в монтажную.

* * *

Профессор Вайс внимательно осматривал Рейса, то и дело отмечая что-то в новой медицинской карте. От генерала несло алкоголем, но Вайс быстро понял, что это не основная причина приступа. Наконец, резким движением сбросив очки, он задумался.

— Ну что, доктор, под нож? — глядя на решительное лицо Вайса, обреченно спросил Рейс.

— Зачем же сразу под нож, — на английском языке ответил Вайс. — Мы не военные, которые лезут всюду, где их не просят.

— Что вы имеете в виду, доктор? — ощерился Рейс.

— Да всю эту кутерьму вокруг ваших учений. Ведь приступ у вас совсем не от алкоголя. Алкоголь — дополнительный фактор. Нервы, голубчик. Стресс, недосып, возможно понимание несправедности целей — вот что в большей степени спровоцировало ваше состояние.

— Моя страна, доктор, находится на величайшем подъеме, и мы обязаны соответствовать ее назначению, — с некоторым пафосом заявил Рейс. — Военные учения со дня на день начнутся, и мне необходимо быть в строю, — косил Рейс под обычного генерала.

Шумиха вокруг предстоящих военных учений и бесцеремонность натовцев, да еще напыщенный тон генерала вывели Вайса из себя. Он не выдержал, надел очки, свирепо уставился на генерала и на чеканном английском языке произнес целую тираду.

— Все это так, генерал, но как сказал один великий спортсмен: «Дверь в будущее не должна мокнуть от крови». А если вспомнить, что созданный одной из древнейших цивилизаций календарь майя прерывается на 2013 году, то невольно каждое военное учение воспринимаешь как роковое и последнее.

Слова доктора покоробили генерала. На секунду он задумался. Но, вспомнив своего отца, любившего цитировать по разному поводу, решил промолчать и, хмыкнув, перевел тему.

— Если не под нож, значит, все не так страшно? — уже бодрым голосом подытожил генерал.

— Наоборот, ваша печень на краю гибели, но мы постараемся избежать операции. — С этими словами Вайс внимательно посмотрел на Рейса

и добавил: — О спиртном надо забыть. Диета и «Иском-2». Вами будет заниматься доктор Чердак. У нее вы сможете дополнительно узнавать о вашем состоянии. Кстати, она гораздо лучше меня говорит по-английски. И к тому же работала много лет в Штатах.

— Где? — механически спросил генерал.

— Кажется, в ЦРУ. Но уже несколько лет работает у нас. В Европе она стала первоклассным специалистом.

Услышав аббревиатуру ЦРУ, генерал напрясся. Ему показалось, что и здесь к нему будут приставлены специальные люди, лечение у которых ему не внушало оптимизма. Как только Вайс вышел, Рейс поспешно набрал номер своего помощника и затребовал сведения о докторе Чердак, некогда работавшей в их ведомстве.

— Кстати, Чарльз, пусть вышлют ее досье, так будет лучше.

Положив трубку, генерал подумал: «Человек, который на крючке, становится гораздо покладистее».

Поняв из разговора с Вайсом, что операции не будет, генерал успокоился и, вытянувшись во весь рост, закрыл глаза, решив подремать. Но сильный кашель — следствие давней простуды — еще долго не давал ему возможности расслабиться. В конце концов он достал свою потертую коробочку с пилюлями, положил одну под язык и затах.

* * *

На этот раз Маркову повезло. Он добрался до Ленинградского проспекта довольно быстро. Дверь открыла жена Самарина — Виктория Сергеевна. Пройдя коридором в гостиную, Марков удивился: здесь тоже была милиция. Заканчивался осмотр квартиры. Старший по званию торжественно сообщил:

— Госпожа Самарина, к сожалению, никаких улик, разъясняющих причины исчезновения вашего мужа, мы пока не обнаружили. Пока! Материалы протокола будут направлены в работу. Мы будем вызывать вас по мере продвижения расследования. Это мы заберем с собой. — С этими словами несколько фотографий исчезнувшего политолога он аккуратно уложил в

папку. Виктории Сергеевне предложили подписать протокол, где черным по белому было написано следующее: «Обыск показал, что в доме, кроме хозяина, ничего не исчезло». Столкнувшись второй раз за утро с милицией, Марков уже не скрывал своего раздражения. Когда все формальности были соблюдены и милицйская бригада уехала, он не выдержал:

— Ну и работники, черт побери. Работают спустя рукава, словно одолжение делают. Нет, так дело не пойдет.

— И что вы предлагаете?

— Прежде я хочу с вашего позволения посмотреть компьютер.

Марков подсел к столу и включил компьютер. Он просматривал программу за программой, но не увидел знакомого названия книги.

— Кто-нибудь из милиционеров сюда лазил? — не выдержав, спросил Марков.

— Нет, конечно. Расспрашивали о связях мужа, не вел ли он неучтенный бизнес, не был ли должен крупных сумм и даже — в каких отношениях он с редактором Нелей Семеновной. Вы сами видели, отобрали две фотографии — в фас и профиль, словно он преступник. А вообще, милиция наша скорее на писателей похожа: приехали и сразу за чернила.

Марков внимательно осмотрел компьютерный стол и лежащие на нем книги, потом неторопливо перелистал газеты, где вместе с российскими изданиями было немало зарубежной прессы. Не оставалось сомнений, что вся эта пресса аккуратно собрана и систематизирована. В нескольких газетах он обратил внимание на подчеркнутые фломастером места. Все они касались очередных учений НАТО в Европе. Одну из российских газет он отложил отдельно.

— На этой неделе Алексея Петровича что-нибудь тревожило из международной политики? — спросил он, не отрываясь от компьютера.

— Трудно сказать. Он ведь не всегда делился. Разве ж только звонил дважды в Нью-Йорк академику Борееву. Что-то хотел узнать. Но, кажется, не дозвонился.

— А когда Алексей Петрович последний раз сидел за компьютером? — поинтересовался Марков.

— Он, как закончил книгу, больше за стол не садился. Устал. Хотел отдохнуть.

— А сынишка не трогал здесь ничего? — переклюкая программы, продолжал выпытывать Марков.

— Нет, никто к компьютеру не прикасался. Даже когда проводку меняли, компьютер в другую комнату перенесли, чтобы удобнее было.

— Меняли проводку? — насторожился Марков.
— Какую проводку? Кто менял?

— Ну, это — ЖКХ. Позвонили и на всем этаже в один день поменяли проводку. Что-то у нас коротнуло, вот они и приехали. Вернее, вначале позвонили, а потом приехали.

— И что это были за люди? — с нарастающей тревогой продолжал выпытывать Марков.

— Трое мужчин. Электрики нашего ДЭЗа.

— Вы их раньше видели, Виктория Сергеевна?

— Нет, конечно. Позвонили и приехали... А что?

— А где был Алексей Петрович?

— На работе.

— Компьютер долго находился в другой комнате?

— Около часа, — обреченно ответила Виктория Сергеевна. — Неужели это они?

— У вас есть телефон ДЭЗа?

— Где-то был.

Она принесла пухлую записную книжку и, покопавшись в ней, нашла нужный номер. Марков тут же дозвонился до дежурной ДЭЗа и задал только один вопрос:

— Вы на прошлой неделе посылали электриков менять проводку в доме два по Ленинградскому проспекту?

— С чего это мы посылали? — слышался развязный ответ. — Заявок не было. А так мы людей не беспокоим.

— Посмотрите внимательно. Вы уверены?

— Конечно. Вот график вызовов, к вам наши люди не ездили. И не беспокойте, пожалуйста, без надобности. Звоните, когда у вас проблемы, а не лишь бы поговорить.

Раздосадованная дежурная положила трубку, а Марков, повернувшись к хозяйке дома, спросил:

— Вы запомнили их лица?

Виктория Сергеевна от волнения еще больше растерялась и вдруг искренне ответила: — Нет! А у них не было лиц. Очки помню, а лица нет.

* * *

Все утро Игорь Козловский пытался хоть что-нибудь узнать о пропавшем отце. Посетив по собственной инициативе Нелю Семеновну, он методично просчитывал маршруты, по которым мог пойти отчим. Только на четвертый раз он пошел в нужном направлении.

Плохо спавшая в эту ночь Страхова поднялась рано, взглянув в окно, она заметила мальчишку и уже не спускала с него глаз. Что-то ей подсказало, что появление подростка связано со вчерашним нападением на мужчину. А когда Игорь стал расспрашивать очередного прохожего, не видел ли он вчера вечером здесь мужчину, и принялся описывать его внешность, Страхова окончательно поняла, с какой целью появился этот паренек. Неожиданно она заметила стаю подростков, приближавшихся к Игорю. Через минуту они уже окружили его и стали угрожать.

— Слушай, ты, кикимора пестрая, чего здесь шляешься? — начал главарь группы, довольно крупный, скуластый и чернявый парень лет пятнадцати. — Проходу не даешь, к людям клеишься?

Скуластому поддакивали еще двое чернявых. Другие, явно русские, молча соглашались.

— А вам какое дело? Не к вам же пристаю? — приготовившись к худшему, огрызнулся Игорь.

— Это наш район, и не тебе здесь командовать, понял? — зарычал Скуластый, пряча руки в карман. — Один из наших видел у тебя клевый мобильник. Так вот, гони мобилу и проваливай. А если по-плохому, уродом сделаем. Понял, кикимора?

Наступила зловещая пауза. Игорь молча развернулся к самому крупному заводице и приготовился к схватке. Видя, что угроза не возымела действия, Скуластый бросил взгляд на своих и сквозь зубы процедил:

— Придется ломать! — Это был условный знак, и вся группа стала окружать Игоря. Он сделал обманый выпад влево и тут же с такой силой ударил Скуластого, что тот, вскрикнув, раскинул руки и, падая, сбил еще двоих. В первую секунду от такого удара все опешили. Впечатление было таким сильным, что нападавшие не на шутку перепугались. Однако Скуластый тут же вскочил и, словно пьяный, размахивая руками,

стал злобно науськивать своих дружков. Почувствовав, что молодчики приходят в себя, Игорь, не церемонясь, ударил ближайшего коротышку в солнечное сплетение. Парня переломило, и он рухнул на колени. Но тут один из нападавших нанес Игорю удар сзади. Удар был прицельный. Игоря занесло в сторону прямо на кулаки Скуластого. Завязалась отчаянная драка. Игорь, хоть и держался на ногах, но пропустил еще несколько ударов. Лицо его раздулось, под глазом появился синяк. Однако он продолжал держаться на ногах, свирепо нанося ответные удары. Неожиданно завывла сирена и появилась белоголубая милицейская машина. Три милиционера выскочили из автомобиля и, схватив первых попавшихся драчунов, мгновенно внесли сумятицу в происходящее. Остальные бросились врассыпную. Игорь, не чувствуя за собой вины, даже не подумал куда-нибудь бежать. Лейтенант свободной рукой схватил его за рукав и первым посадил в машину. Вскоре вся четверка уже сидела на заднем сиденье. Тем временем лейтенант вызывал подкрепление. Отделение милиции было рядом, на улице Молдогуловой, и вскоре оттуда примчался свободный «газик». Драчунов тут же пересадили в прибывшую машину и повезли в отделение милиции.

Страхова, продолжавшая следить из окна за всем происходящим на улице, поняла, что ребят забирают в РУВД «Вешняки». Догадалась она об этом по приметному милиционеру — долговязому, чем-то похожему на «дядю Степу», которого нередко видела в этом районе. В голове старухи созрел заманчивый план. Внезапно она стала быстро собираться и через десять минут вышла из дома. На шестьдесят четвертом троллейбусе она доехала до улицы Молдогуловой и неторопливо направилась в отделение милиции. Взвесив все обстоятельства, она решила представиться родственницей одного из соседских мальчишек, участвовавших в драке. Она знала его по имени, а вот фамилия выпала из памяти. Недолго думая, она позвонила по мобильному соседке Прокопьевне и попросила узнать, как фамилия Димки — заики из соседнего подъезда. Однако, закончив разговор, неожиданно вспомнила, что его зовут Дима Горячкин. Поэтому, когда позвонила Прокопьевна, Страхова с гордостью прокричала в трубку:

— Вспомнила, не в маразме еще. А так, спасибо тебе, Прокопьевна.

— А зачем тебе? — поинтересовалась соседка.

— Иду в милицию. Помнишь Марлен Дитрих в «Свидетеле обвинения»?

— Помню, да только сто лет назад это было.

— Потом расскажу, Прокопьевна. Кажется, большая история затевается. Если получится, мы в борьбе с беспределом свою страницу запишем.

— Смотри, не сносить тебе головы, подруга.

— Волков бояться — в лес не ходить, Прокопьевна. Пока, держим связь.

В милиции она подошла к дежурному и, представившись бабушкой Димы Горячкина, попросила свидания. На удивление, ей поверили, и вскоре Димка предстал перед ней с фингалом под глазом и еще больше заикающимся.

— А я уж думал, моя бабка приперла, — уныло пролепетал Димка.

— Димочка, ты, как-никак, мой сосед. Увидела в окно, как вас забирают, так жалко стало. Пойду, думаю, выручу парня. Ведь твои ничего не знают.

— И не говорите! — согласился Димка. — Отец прибьет, если узнает. А может, и обойдется. Не я зачинщик.

— А кто? — живо поинтересовалась Страхова.

— Козловский. У него отец был чемпионом мира по боксу.

— Да ну! — воскликнула Страхова. — Не врет он?

— Нет. У него кулак подходящий.

Димка пощупал фингал и шмыгнул носом.

— А зовут его как?

— Игорь он.

— А где он живет?

— Не знаю.

— А номер телефона можешь узнать?

— А зачем вам это?

— А кто ж вас выручит, если не его отец. Вдумайся, чемпион мира все-таки! Узнай номер, и я тебе помогу. Во-первых, молчать буду, а во-вторых, всех вас отсюда вызволю. Идет?

— Идет. Только назад меня не пустят. Если я даже узнаю, как передать?

— А я к окну подойду. Оттуда сбоку вас видно. Ты у него узнай, а я через пару минут подойду.

— А как передать?

— А вот так и передай. — Страхова показала, как на пальцах показывать числа.

— Понял. Попробую, — охотно согласился Димка.

— Только городской спрашивай. А если мобильный, то не торопись. Восьмерку пропускай. И девятку не надо. Сразу дальше иди. Только руки повыше держи, а то я вижу плохо.

Вскоре, когда в коридоре никого не оказалось, Страхова подошла к окну КПЗ и, разглядев Димку, по конфигурации пальцев сумела запомнить номер телефона.

* * *

Марков уже собирался уходить от Виктории Сергеевны, когда раздался звонок. Уже с первых слов она насторожилась. Никто никогда в этой квартире не просил к телефону ее покойного мужа, тем более чемпиона мира. А тут в трубке она услышала:

— Я могу поговорить с чемпионом мира по боксу господином Козловским?

Виктория Сергеевна замешкалась с ответом, но, почувствовав что-то неладное, тотчас дала сигнал Маркову и включила микрофон на трубке.

— А зачем вам господин Козловский?

— Это квартира господина Козловского?

— Нет, это квартира профессора Самарина, — торопливо ответила хозяйка дома.

— Ах, вот как! Значит, я не туда попала?

— Нет, вы попали туда. Господин Козловский был моим мужем. Он погиб много лет назад в Америке. Он действительно был боксером, боролся за звание чемпиона мира.

— Ну, по крайней мере, у него есть сын Игорь? Или этот мальчик сын профессора Самарина?

— Кто вы? — испугалась Виктория Сергеевна.

— С Игорем что-то случилось?

— Нет, он жив и здоров. Но находится в милиции.

— Как в милиции? — с ужасом спросила Виктория Сергеевна.

— Он оказался в районе Вешняков и здесь ввязался в драку. Сейчас сидит в отделении милиции вместе со своими обидчиками.

— Его избили? Как он?

— Нет, с ним все в порядке. Скорее другим досталось.

— Чем я обязана вашему звонку?

— Мой внук тоже среди задержанных, вот я и решила позвонить. Моих сил мало! Возможно, вам удастся их вызволить. Мне сказали, что среди задержанных сын чемпиона мира. Мальчишки передали ваш телефон. Вот я и позвонила. Но раз чемпион погиб, значит, придется искать в помощь кого-нибудь другого.

— Подождите, где, вы говорите, эта милиция?

— Это РУВД «Вешняки» на улице Молдогуловой. Две остановки от метро «Выхино». Попробуйте, может, профессор Самарин к этому подключится?! Это, конечно, не чемпион мира, но все-таки.

— К сожалению, профессора Самарина сейчас нет. Он... — Виктория Сергеевна от растерянности и благодарности к чужим, хлопчущим о ее сыне людям чуть не сказала, что профессор исчез, но вовремя спохватилась. — Профессор находится... в командировке, — неловко соврала Виктория Сергеевна. — Но у нас есть, кому заняться этим вопросом, — молодая женщина с надеждой посмотрела на Маркова. — Во всяком случае, спасибо вам за звонок. Скажите, как вас отблагодарить? Как ваше имя?

Однако в трубке уже раздалась гудки. Виктория Сергеевна, вопросительно глядя на Маркова, только виновато развела руками. Ему весь разговор показался странным. Голос позвонившей женщины был слишком нахальным. Чего стоила реплика: «Это, конечно, не чемпион мира, но все-таки». И такое — о Самарине!

— Господи, еще одна беда, — проронила Виктория Сергеевна, положив трубку.

— Что же делать, Вадим Борисович?

— Спокойно! Будем действовать последовательно. Сейчас я сделаю один важный звонок и затем поеду выручать Игоря.

Первый звонок был сделан Радову, который был в курсе подготовки книги профессора Самарина к печати. Поэтому сообщение Маркова об исчезновении из издательства, непосредственно подчиняющегося Московскому правительству, рукописи и к тому же самого автора привело его в сильнейшее замешательство.

— Когда он исчез? — переспросил Радов, услышав о случившемся.

— Вчера вечером после встречи с редактором.

— А когда исчезла рукопись? — продолжал Радов.

— Пропажу компьютерной верстки обнаружили сегодня утром. Но текста книги нет и в компьютере автора. Я как раз звоню из квартиры Самарина. По словам жены, были какие-то молодцы из ДЭЗа, которые, по всей видимости, изъяли файл с текстом книги.

— И вы решили, что это дело рук ДЭЗа? — хмыкнул Радов.

— Конечно, нет. Из ДЭЗа никого не было. Мы это уже выяснили. Это дело совсем других рук. Боюсь даже предположить, чьих. Книга уникальна. Это бестселлер, где есть исключительно точные прогнозы нашего политического будущего. Частично об этом он поделился в своем интервью «Московскому комсомольцу».

— Когда это интервью было?

— Неделю назад.

— А точнее?

— Кажется, в прошлый четверг. — Марков услышал, как Радов по ходу разговора дает кому-то задание найти интервью Самарина в «Московском комсомольце» за четверг.

— Ваши предложения, Вадим Борисович? Кого будем подключать?

— Милиция здесь беспомощна. Она сумела только арестовать сына Самарина.

— А сын тут при чем? — удивился Радов.

— Поехал искать пропавшего отчима и с кем-то из тамошней детворы подрался. Мать и так в отчаянии, а тут еще и сына забрали.

— Ну, в этом мы разберемся. Как его зовут?

— Игорь Козловский.

— Он где находится?

— В РУВД «Вешняки». Я собираюсь туда съездить. Попробую выручить мальчика.

— Хорошо, поезжайте в РУВД. А я предварительно свяжусь с городским руководством милиции и с генералом Смирновым из ФСБ. Жене профессора передайте, что мы примем все меры, чтобы как можно быстрее найти профессора Самарина. А вас, Вадим Борисович, прошу быть у меня к 17 часам.

— Хорошо, Лев Георгиевич. До встречи.

* * *

Лейтенант Митьков, попавший по протекции родственников в Вешняковское РУВД, работал с подростками. Сам еще недавно посредственный ученик, с вечно бритой, рано лысеющей головой, с тягой в милицейском училище к тайному бизнесу — торговле мобильными телефонами, теперь он восседал в кабинете, где перед ним на столе были разложены отобранные у ребят мобильники, а напротив сидел Игорь Козловский.

— Какой из них твой? — указывая на телефоны, спросил Митьков.

— Тот, большой. «Нокиа».

— А как докажешь?

— А зачем? Вы задаете вопросы, я отвечаю.

— Итак, последний раз спрашиваю. Первое: зачем затеял драку? Второе: каким образом оказался в нашем районе?

— Отвечаю: драку затеял не я, а мои сокамерники. Они хотели мой мобильный получить. Я не согласился. Тогда они полезли драться.

— А у нас сведения, что ты специально приехал в Вешняки, чтобы торговать мобильными телефонами. К тому же есть доказательства, что тебя видели здесь неоднократно.

— Это вранье. В этом районе я впервые. А приехал сюда по делу.

— Это по какому же делу? Свести счета с конкурентами?

— Неувязочка, товарищ лейтенант. Один с такой кодлой счета свести не может.

— Однако тебе это удалось. Есть сведения, что у тебя папа тоже руками машет, только на ринге.

Видно было, как последний вопрос покоробил Игоря. Он покраснел, по-мальчишески надулся и резко отвернулся.

— Это что? Позы! Гляди ж ты, позы он здесь будет делать. Я тебя научу, как вести себя на допросе. Посадим на пятнадцать суток, тогда сразу вежливым станешь.

Лейтенант с каждым словом все больше распалялся, но в это время зазвонил телефон. По разговору и поведению милиционера Игорь понял, что звонок связан с ним. Односложные ответы лейтенанта и испуганные взгляды на своего подследственного дали понять Игорю, что кто-то им интересуется. Наконец лейтенант бросил трубку и зло уставился на мальчика.

— Вы все-таки, молодой человек, успели кому-то пожаловаться? — совсем другим тоном заговорил лейтенант.

— Ошибаетесь! — не скрывая улыбки, ответил Игорь.

— Возьми свой мобильный, и пойдем, — сквозь зубы процедил лейтенант. Он нехотя подвинул к Игорю его «Нокию» и тонкими пальцами забрал со стола сигареты. — Нас приглашают на второй этаж к начальнику управления. Поднимайся, пошли!

Лейтенант встал из-за стола и, сделав несколько шагов, вдруг остановился и развернулся к Игорю заинтригованный.

— Последний раз тебя спрашиваю, зачем оказался в нашем районе? Признайся, торговать приезжал? — стал выпытывать он.

Интуитивно почувствовав, что ситуация изменилась, Игорь решил сознаться, чтобы на всякий случай не было повода его в чем-то обвинять.

— Нет, отца искал.

— Отца? Какого отца? — выкатил глаза лейтенант.

— Моего отца.

— А что с твоим отцом?

— Пропал. Со вчерашнего дня.

— Вот это да! Ну, совсем ты заврался, парень. Отца он ищет?! Почему не папу римского?

Лейтенант недовольно открыл дверь, пропустил Игоря вперед и, закрыв кабинет, повел мальчишку на второй этаж, то и дело подталкивая сзади.

В кабинете начальника кроме самого были еще двое. По улыбающемуся лицу Маркова Игорь догадался, что это и есть его спаситель.

* * *

Минут через двадцать они уже сидели в кафе, пили сок с бутербродами, ели мороженое.

На вопрос Маркова, что Игорю удалось разведать об отчине, мальчик рассказал следующее:

— Я проверил три направления, по которым он мог пойти. В том месте, где на меня напали, скорее всего, шел и отчим.

— Ты его зовешь отчимом? — спросил Марков.

— Да. Мы так договорились. Вернее, я его зову дядя Алеша. Он знал моего отца, дружил с ним и уже тогда был для меня дядей Алешей.

— Ты видел отца на ринге?

— Конечно.

— Подожди, но ты ведь тогда был маленьким?

— Шесть лет. Не такой уж маленький.

— Каким он был боксером?

— Лучшим! Когда его убили, все американские газеты писали, что потеряли «лучшего».

— А как он боксировал?

— Вы же не профессионал, — с иронией заметил Игорь.

— И все же?

— Во-первых, на средней дистанции, хотя отец был панчером. Потом, у него была непревзойденная «левая». Его жесткий «джеб» был сногшибательным. А «апперкот» и особенно «хук» были от души, включалось все тело. И потом, он не уставал.

— В каком смысле? — с нарастающим удивлением спросил Марков.

— В прямом. Он держал высокий ритм боя. Газеты и профессионалы его хвалили именно за это.

— Ты уже тогда читал по-английски? — улыбнулся Марков.

— Нет, статьи о папе я читал позже, а вот английский знаю.

— А вот скажи по-английски: я хочу быть боксером.

Игорь мгновенно ответил и засмеялся.

— Зачем вам это? Ведь вы не тренер.

— А почему ты так решил?

— Интуиция.

— А что еще твоя хваленая интуиция подсказывает?

— Прямо уж, хваленая. Но то, что вы не тренер, — это точно.

— А боксером я мог бы быть?

— Боксером, да. Вы крепкий. И вообще, спасибо вам.

— Ладно, давай сделаем так, я поговорю с твоей мамой и договорюсь, чтобы тебя приняли в секцию бокса. Хочешь?

Игорь присвистнул и, отвернувшись, бросил: — Пустое занятие, мать никогда не согласится. Ей хватило папы.

— А что, если мне удастся ее уговорить? Пойдешь заниматься?

— Еще бы! — Глаза Игоря загорелись, и он с надеждой уставился на Маркова.

— А где тренироваться хочешь?

— Да у нас рядом с домом динамовская секция.

— Тогда вот что, я тебя сейчас отвезу домой, а то мама волнуется, а на днях приеду в гости с одним очень хорошим тренером. Мы встретимся с мамой и попробуем ее уговорить. Договорились?

— Договорились, — с волнением ответил Игорь.

* * *

У Радова шло совещание. Марков, предупредив секретаря, вышел в коридор и вновь позвонил Виктории Самаринной.

Мальчика он высадил неподалеку от дома и теперь хотел знать, все ли в порядке. По голосу Виктории Сергеевны он понял, что настроение у нее улучшилось.

— Вы его не особенно ругайте. Это же порыв. В этом возрасте кажется, что ты и Шерлок Холмс, и Мегрэ одновременно.

— Спасибо, Вадим Борисович. Слава богу, хоть сын вернулся, а то в доме одно эхо откликается.

— Не волнуйтесь, Виктория Сергеевна, и мужа найдем, и от эха избавитесь. С минуты на минуту будет совещание у Радова, и мы примем необходимые меры. У меня только один вопрос к вам: кто был инициатором интервью в «Московском комсомольце»? Сам Алексей Петрович или кто-то из газеты?

— Нет, Алексей Петрович это не инициировал. Ему неоднократно звонил сотрудник газеты по фамилии Крейч. Откуда тот узнал о книге, я не в курсе.

— А кто вообще знал, что книга готова?

— Первый вариант читал академик Бореев. Он даже собирался написать предисловие. Но это было месяца четыре назад, когда Бореев был в Москве. Кроме Бореева с книгой были знакомы друзья Алексея Петровича — профессор Холмогян и политолог Николаев. Ну и, разумеется, я, потом — вы и, наконец, ваши сотрудники.

— Отдельные распечатки Алексей Петрович не делал?

— Нет. Только лишь дискетку и два экземпляра для вашего издательства.

— А первый вариант, который читал академик Бореев, сохранился?

— Я его найти не могу. Но то, что Бореев текст вернул, я знаю точно. Они договорились, что Алексей Петрович перешлет ему окончательный вариант. Но что-то изменилось, и муж решил печатать без предисловия Бореева. Вообще, с этой книгой он был очень осторожен. Слово чувствовал, что она принесет ему беду. Скорее всего, произошла утечка.

— В каком смысле?

— У кого-то случайно оказался экземпляр этой книги, и они решили, что книга и автор опасны.

— Хорошо, Виктория Сергеевна, я вам позволю после совещания. И, пожалуйста, не падайте духом, держитесь! Поверьте, мы примем все меры, чтобы найти вашего мужа. И последнее: прошу вас, посмотрите в бумагах, нет ли еще одного экземпляра книги. Это очень важно сейчас. Необходимо понять, что, прежде всего, стало причиной его исчезновения.

— Смотреть надо девятую главу. Он особенно ею гордился. В ней догадок больше, чем у Нострадамуса. Разве вы ее не помните?

— Читал! — воскликнул Марков. — Но хорошо бы заново прочитать эту девятую главу.

После искреннего восклицания Маркова возникла пауза, и потом послышался срывающийся голос Виктории Сергеевны:

— Заинтересованные лица не только прочитали, но и, как видите, приняли меры.

Услышав, что на той стороне раздалось приглушенные всхлипывания, Марков поспешил еще раз успокоить женщину и пообещал позвонить после совещания.

Заглянув к секретарю, Марков увидел, что народу прибавилось и что Радов еще не освобожден. Тогда он прошел в широкий, увешанный картинами холл и присел на диван. В этот момент из ближайшего лифта вышел генерал ФСБ Смирнов. Марков сразу его узнал по характерно вскинутой голове и высокому росту. Он вспомнил, что Радов собирался пригласить генерала на совещание.

— Марков, а вы что тут делаете? — улыбаясь и протягивая руку, удивился Смирнов.

— По всему видно, что мы по одному и тому же поводу здесь, — в тон Смирнову ответил Марков.

— И где мы теперь будем искать вашего героя, Вадим Борисович?

— Почему моего?

– Рукописи-то из вашего ведомства пропадают. Придется вам охрану приставить. Крейч о вашей конторе такого наговорил по радио, что мало не покажется.

– Когда говорил?

– Сегодня, с утра.

– Оперативно... – с иронией процедил Марков. – И что? Ругал?

– Еще как! Прошляпили шедевр, говорит. Жаль, дескать, Самарин не доверил ему выпуск книги. Неужели и впрямь шедевр проморгали, Вадим Борисович?

– Абсолютный шедевр, и сейчас я все больше это понимаю.

– И что же там шедевриального?

– Да все! Есть там и главное – девятая глава, в которой автор делает своеобразные политические предсказания.

– Это что же, мужское воплощение бабы Ванги?

– Не совсем так. Баба Ванга не была политиком, дальше Болгарии не ездила, а Самарин объездил весь мир, стажировался в Америке. Самые крупные политологи – наши современники, отдают ему должное.

– Странно, тогда почему академик Бореев разнес его по американскому телевидению. Назвал дилетантом, авантюристом, исчадием ада и клеветником на Соединенные Штаты.

Вспомнив, что Бореев был одним из первых восторженных читателей рукописи Самарина, Марков скептически усмехнулся и возразил:

– Не верю! Как раз Бореев первым читал исчезнувшую рукопись, горячо ее одобрил и даже собирался написать предисловие.

– Откуда у вас такая информация?

– От самого Бореева. Я с ним договаривался об этом предисловии.

– Странно, мы получили другую информацию. Ну да ладно, разберемся. Что вы успели предпринять?

– Пока только вызвали милицию.

– И что?

– Да ничего. Посмотрели, составили протокол и обещали звонить, когда что-то прояснится.

– А в прокуратуру вы обратились?

– Пока нет. Все произошло этой ночью. Хотя есть одно предложение.

– Какое?

– Оно личное, поэтому я не уверен, что его поддержат.

– А кто должен поддержать? Скажите, мы похлопочем.

– Поддержать должны вы и, разумеется, Радов. А дальше дело за генеральным прокурором.

– И что я должен поддержать? – настороженно спросил генерал.

– Вот собирался просить Радова, чтобы к этому делу подключили моего сына. Он заместитель прокурора в Благовещенске, имеет большую следственную практику.

– Так далеко занесло?

– Он никогда не цеплялся за Москву. Но сейчас ситуация изменилась. Он потерял семью. Несчастный случай, и я хотел, чтобы он поменял обстановку.

– Радов уже в курсе?

– Нет, вы первый, с кем я говорю на эту тему.

– А он сам-то хочет поменять обстановку?

– Не знаю. Во всяком случае, меня он не слушает.

– Как его зовут?

– Кирилл.

– Значит, заместитель прокурора Благовещенска?

В этот момент появилась секретарь Радова Наташа и пригласила обоих мужчин в кабинет.

– Проходите, пожалуйста, Лев Георгиевич вас ждет.

Смирнов метнул неуважающий взгляд на хорошенькую секретаршу и пошел вслед за ней. Несколько человек вместе со Смирновым потянулись в кабинет. Марков замкнул группу приглашенных.

Радов выглядел уставшим. Светлый костюм только подчеркивал потемневшее от усталости изможденное лицо. В волосах заметно прибавилось седины. Неизменными оставались глаза – приветливые и живые. На очередной властной передвижке Радову помимо международных проблем доверили и широкий круг внешнеэкономических вопросов, поэтому появление на совещании представителей разных ведомств, в том числе и Смирнова, было не случайно. Последние месяцы Радов спал не более четырех часов в сутки, однако держался бодро, подбадривая себя самоиронией и своеобразным душевным настроением. Это выражалось, прежде всего, в открытом

отношении к коллегам, в способности создать атмосферу доброжелательности, в умении выслушать до конца собеседника и в конечном итоге принять верное решение. Определяющим оставалось и то, что Радов никогда не выпячивал себя даже в тех вопросах, которые ему удавалось решить лично. Некоторых это «выпячивание» раздражало и казалось противоестественным. И только узнавая его ближе, многие понимали, что скромность и впрямь его естественное состояние. Иные, увлекаясь его стилем, пытались подражать ему, даже копировать. Но вскоре понимали, что Радов — это «штучное явление», и, перестав обезьянничать, становились искренними его друзьями либо скрытыми недругами. Вот и сейчас сразу, без раскочки, он начал совещание, сообщив об исчезновении политолога Самарина и его рукописи во вверенном его ведомству издательстве. Вторым выступил заместитель Радова Серов, который информировал, что об исчезновении Самарина уже осведомлены ФСБ, следственный отдел прокуратуры, все отделения московской милиции. Когда Серов озвучил собственные выводы, в которых категорически не связывал пропажу рукописи с фактом исчезновения политолога, Радов перебил его:

— Почему вы так уверены, Аркадий Сергеевич?

— Начнем с того, что в Российской Федерации, Лев Георгиевич, очень тяжелая статистика по исчезновению людей и, главное, по раскрытию этих фактов, поправлюсь — скорее преступлений.

— У вас есть эта статистика? — поинтересовался Радов.

— Да, есть.

Серов перевернул какой-то листок и чеканно произнес:

— На сегодня в пределах сорока тысяч нераскрытых дел по факту исчезновения людей.

— Понятно, — недовольно подытожил Радов. — Продолжайте, Аркадий Сергеевич.

Заместитель Радова был невысокого роста блондин, крепкого телосложения, с тонкими, зачесанными назад волосами. Когда он перебирал документы, видно было два травмированных пальца на правой руке. С Радовым его связывала давняя дружба. Ходили даже слухи, что они однокурсники. Серов, как колоду карт, вновь перебрал документы и продолжил:

— Самарин был человеком ярким, конфликтным, и, скажем откровенно, у него было много, мягко говоря, недоброжелателей. Вот совсем свежий пример: казалось бы, у Алексея Петровича были дружеские отношения с академиком Бореевым, который собирался, кажется, написать предисловие к исчезнувшей рукописи Самарина. Но вот только что стало известно широко разрекламированное выступление Бореева по американскому телевидению, в котором Самарин был подвергнут уничтожающей критике.

— Да, мы тоже об этом знаем, — с места подал реплику генерал Смирнов.

— Как видите, у Самарина и в этом случае неожиданно обнаружился недруг. Одним словом, факт пропажи рукописи и исчезновение самого автора хоть и кажутся увязанными, но увязаны противоречиво. Должен сказать, что я удивлен самим издательством, его руководством. В таких случаях, извините меня, Вадим Борисович, должны быть вторые экземпляры, более надежная охрана да просто две-три запасные дискетки с текстом рукописи.

Марков хотел сразу ответить, но Радов дал знак, чтобы Серова не перебивали.

— И последнее, убежден, что какой-то вариант рукописи Самарина еще может обнаружиться.

— Почему вы так считаете? — опять поинтересовался Радов.

— Даже рукопись «Тихого Дона» нашли через двадцать лет. И потом стыдно, если мы потеряем «Прозрение», и в прямом, и в переносном смысле. У автора «Прозрения» были оппоненты, помощники... Надо найти этих людей, узнать, нет ли у них вариантов рукописи, конечно, напечатать ее и, главное, понять, есть ли там некий «криминал», который мог стать причиной исчезновения Алексея Петровича Самарина, — закончил Серов.

— Понять, конечно, надо, но хорошо бы побыстрее. Вон у них как оперативно все происходит, здесь пропадает человек, а там уже усилиями Бореева его кошмарят по центральному каналу Америки и выставляют исчадием ада, — прокомментировал Радов и попросил генерала Смирнова включиться в разговор.

Генерал Смирнов никаким боком не относился к ведомству Радова, но дружеские отно-

шения, сложившиеся еще во время событий на Горьковской ГЭС, сблизили их. Поэтому Радов попросил генерала приехать и помочь разобраться.

— Трудно говорить, располагая разрозненной и не вполне проверенной информацией. Книгу Самарина я не читал, но, судя по оценкам Вадима Борисовича, единственного, как я понимаю, из присутствующих, читавшего работу Самарина, в ней есть что-то такое, что могло кого-то перепугать и совершить противоправные действия. А вот что их напугало, пока неясно. Я запросил полный текст выступления Бореева на телевидении... Вот этот текст, — с этими словами он передал бумаги Радову.

— Но из него следует только то, что американские информационные средства пытаются дезавуировать что-то из прогнозов Самарина. Какими были эти прогнозы, мы не знаем. Если бы это были военные или террористические действия, то, уверяю вас, мы бы об этом знали не меньше Самарина. Во всяком случае, с большей долей вероятности. Если это догадки о некоей отдаленной стратегии, то в какой-то степени допустима логика произошедших событий. Пока же нам трудно увязать исчезновение Самарина с событиями, связанными с пропажей его неопубликованной книги. Мне представляется целесообразным в ближайшую неделю проводить работу в разных направлениях. Мы сделаем свою часть работы, прокуратура пусть занимается своей. Хорошо бы закрепить это дело за одним ответственным человеком, который отнесся бы к нему с повышенной требовательностью, если хотите, как к делу своей жизни. У Вадима Борисовича есть предложение, которое я готов поддержать. После совещания мы могли бы с вами, Лев Георгиевич, эту кандидатуру обсудить.

Радов в знак согласия кивнул головой.

— Кстати, и милицию в этом деле нужно задействовать, — добавил Смирнов. — Уверен, что милиция здесь может сделать немало, если окажется в конечном итоге, что это обычные разборки. Но в любом случае, надо искать рукопись книги Самарина. А то действительно получится, как с шолоховским «Тихим Доном», договоримся до того, что и автор не Самарин, а какой-нибудь Смит.

— А как же фраза: «Если это начнется даже в этом месяце, то они получат сокрушительный ответ не только по планам «Перспективы», но и на ближайшие полвека».

Все повернулись в сторону начальника внешнеэкономического отдела Вячеслава Михайловича Шапошникова.

— Что вы имеете в виду? — недовольным голосом спросил Смирнов, не любивший, как все военные, чтобы его даже не в своем ведомстве бесцеремонно перебивали. Радов нахмурился, но не остановил Шапошникова.

— Я имею в виду интервью Самарина в «Московском комсомольце». — Шапошников развернул газету и показал выделенное красным карандашом интервью Самарина.

— Лев Георгиевич просил ознакомиться с этим материалом и составить о нем мнение, — сдержанно ответил Шапошников.оборот «составить мнение», видимо, привел генерала в добродушное настроение, и он с улыбкой спросил:

— Ну и какое вы составили мнение?

— Можно продолжить, Лев Георгиевич? — упрямо произнес Шапошников, уставившись в стол.

— Да, пожалуйста, Вячеслав Михайлович.

— Дело в том, что до МИДа я некоторое время учился в театральном училище и занимался режиссурой.

Неожиданно Шапошников покраснел. Это смущение растрогало всех, а Серов даже заулыбался. Взяв себя в руки, Шапошников продолжил:

— Самарин тоже занимался театральным делом и даже снискал в молодости на этом поприще известность. Разумеется, гораздо большую, чем я. Так вот, через все его интервью проходит некое контрдействие по отношению к какому-то надвигающемуся событию, а говоря театральным языком — сквозному действию. Смысл интервью, его сверхзадача в том, что интервьюируемый предупреждает некоего «партнера» о том, что не только знает все его намерения, но и готовит ему капкан. Неподготовленный читатель из этого интервью получит всего лишь информацию о новой книге, но тот, кто заглянет глубже и задумается над образами, которые предлагает Самарин, поймет, что это код, по которому он предупреждает невидимо-

го противника о смертельной опасности его замысла. Поэтому я и произнес вслух эту ключевую фразу, в которой ясно дается понять, что готовящееся действие не только известно, но и получит «сокрушительный ответ», от которого кто-то не оправится и полвека. По-видимому, Самарин знал то, что пока не знаем мы, и, осмелюсь высказать предположение, что именно из-за этих знаний, как абсолютно верно выразился генерал Смирнов, кто-то перепугался и совершил противоправные действия.

Видно было, что Радову и большинству присутствующих выступление Шапошникова понравилось. Ссылка на генерала тоже была удачной, поэтому Смирнов не возразил, а в знак согласия что-то промычал.

— Вадим Борисович, — обратился Радов к Маркову, — у вас есть что добавить?

Марков встал и, взяв со стола газету, несколько секунд всматривался в текст интервью и в подчеркнутые красным карандашом строчки.

— Уважаемые коллеги, я в шоке от всего случившегося. Издательство очень рассчитывало на успех этой книги. Мы подружились с Алексеем Петровичем. И вот — нет ни книги, ни автора. Все это очень горько, тяжело переживают жена, приемный сын. Принятые нами меры раскручиваются медленно. На сегодня в большей степени приходится решать кроссворды. Аркадий Сергеевич прав, большая доля вины за исчезновение рукописи лежит на издательстве и его руководителе.

— Как так получилось, что у вас не осталось ни одной копии? — строго спросил Радов.

— Их было две, Лев Георгиевич. И одна — рабочая, была на файле. Я уже не говорю о дискетах. Но дело в том, что все это было сосредоточено за одним столом, у лучшего редактора Гурсковой, которая работала над этой книгой. Гурскова готовила не одну подобную книгу и никогда не прятала рукописи в сейф. Да у нас и не пропадало до этого ничего. А тут, извините меня, работа профессионалов. Стекло в окне аккуратно вырезано и никаких следов. Милиция только развела руками. Кроме окна нет никаких следов. Повторяю, действовали профессионалы. Знали бы, что на рукопись будет такая охота, мы бы купили специальный сейф. А так, он у нас только в бухгалтерии.

— Что вы предприняли? — спросил Радов.

— Утром мне позвонил охранник. Через час я был на работе. И там уже была милиция, вызванная моим замом. Был составлен протокол. Позже я был на квартире Самарина, и там тоже была милиция, вызванная женой уже по факту исчезновения Самарина. Это что касается пропажи рукописи и ее автора. Можно продолжить?

— Пожалуйста. Только не горячитесь и не гоните, — предупредил Радов. — Вас пока никто ни в чем не обвиняет.

— А как же Аркадий Сергеевич? — удивился Марков.

— У него должность такая, — пояснил с улыбкой Радов.

— А у вас, значит, другая? — поинтересовался Марков.

— Ну, я известный демократ, — растягивая слова, пояснил Радов. — А Аркадий Сергеевич...

— Ретроград! — подал голос Серов.

Все рассмеялись, и на секунду напряжение спало.

— Можно продолжить, Лев Георгиевич?

— Да. Пожалуйста.

— Теперь об этом интервью. — Марков еще раз посмотрел текст статьи и продолжил:

— Да, в этих самаринских образах действительно есть то, о чем только что сказал Вячеслав Михайлович. Алексей Петрович любил метафору и как в выступлениях, так и в публицистике ни на кого из действующих политологов не был похожим. Он, безусловно, человек, занимавший особое место в нашей политической элите. Он умел предвидеть и даже режиссировать заранее предлагаемые обстоятельства. Кто-то его в шутку называл политической бабой Вангой. Именно поэтому мы считали за честь издать эту книгу. В ней не только глубокий анализ сегодняшнего политического состояния нашего общества, страны, но и аргументированные оценки будущего, яркие и убедительные прогнозы, а также нелюбимая характеристика нашей политической элиты.

Марков сделал паузу, решая, говорить или нет о том, что, с его точки зрения, еще являлось существенным в книге Самарина, или промолчать? В конце концов, он решил сказать и об этом:

— В книге немало страниц о позитивных чертах

советского прошлого, о том, что на фоне кризиса, разрушения социальной жизни и духовного нездоровья общества, которое произошло в результате, прежде всего, распада государства и рыночных реформ, для многих оно выглядит куда привлекательнее, чем нынешний посткоммунизм. И, тем не менее, мы были уверены, что книга вызовет горячий интерес, не боимся вполне ожидаемой атаки на издательство. Об этих опасениях я докладывал Льву Георгиевичу. Но то, что исчезнут одновременно рукопись и автор, мы никак не ожидали. Честно говоря, я не могу припомнить в прошлом аналогичного случая. Но самое удивительное в этой истории, что мы до сих пор не знаем, кто действует и какая из сторон почувствовала угрозу. Некоторые горячие головы у нас или предусмотрительные у них.

Последняя реплика Маркова не прошла незамеченной. Все переглядывались, но никто не подал голоса. Наоборот, все с живейшим интересом стали слушать его. Только Смирнов поджал губы с неопределенной гримасой.

Надо сказать, что подобное настроение было неслучайным. Затянувшийся кризис, экономический спад и инфляция дали повод если не к ностальгическим, то к скептическим настроениям не только среди высших эшелонов власти, но и в самых широких слоях населения. Как ни старались информационные службы вместе с телевидением и прессой смягчить происходящее, создать впечатление, что кризисные явления под контролем и все не так драматично, как на Западе, жить становилось все труднее, и в целом это коснулось всей страны. Награбленные миллиарды стали сдуваться, недавние благодетели и меценаты в одночасье стали скучными и недоступными. Путинская эпоха не стала «золотым парашютом» для прыжка в новую социальную среду, она со всей очевидностью подчеркнула односторонность экономической стратегии и необходимость поисков новых подходов для экономической модели России. Никто не отрицал заслуг той эпохи, когда Россия и впрямь поднялась с колен, но сегодня этого было недостаточно. Всем было очевидно, что эти ноги надо расставить и, главное, заставить идти в правильном направлении.

Почувствовав, что аудитория готова слушать его дальше, Марков продолжил:

— Не надо забывать, что Самарин является сторонником непопулярной точки зрения. Он считает, что «Россия вместе с распадом Советского Союза потеряла все основания для дальнейшего развития, что она потихоньку умирает и что для этого много есть показателей, не только социально-экономических, но и демографических». Самарин считает, что трагедия распада унесла сотни тысяч людей, погибших как в межнациональных конфликтах, так и в гражданских войнах, что драматически отразилось на нашем генофонде. В заключительной главе он прямо пишет, что Россия оказалась перед выбором — продолжать дальше эту нейтральную, абсолютно аморфную политику, с редкими мюнхенскими вкраплениями, или начинать собирание вокруг России. Скажу вам откровенно, многим эти высказывания не нравились, вызывали резкую, а иногда и злобную критику. К примеру, «рыночники» терпеть не могли его приверженности к конвергенции, то есть смешанной экономической модели. Кризис показал, что Самарин во многом был прав. Потому я практически и цитирую автора, чтобы не сбрасывать со счетов всей палитры его мировоззрения и возможной реакции на это мировоззрение здесь, в нашей стране.

Марков снова перелистал газету, потом, то роливо сложив ее, вернул Шапошникову.

— И поскольку все произошло оперативно, это говорит о том, что Самарин действительно разворошил чье-то осиное гнездо.

— Так чье же гнездо он разворошил, Вадим Борисович, — неожиданно подал голос генерал Смирнов, — наше или все-таки чужое?

— Не знаю, Виктор Сергеевич. Пока не знаю. Уверен на сто процентов в одном: это работа профессионалов. Можно было как к частному случаю отнести к пропаже рукописи, допустить даже такую мысль, что кто-то из сотрудников ее выкрал. Но то, что рукопись после появления мнимых работников ДЭЗа пропала из дома Самарина и что при этом хозяйка, жена Самарина, не запомнила лица этих гостей, говорит о том, что это продуманное и хорошо организованное преступление. Непонятно только одно, что испугало этих людей? Что в интервью Самарина стало для многих угрозой? На этот вопрос у меня нет ответа. Во вся-

ком случае, я убежден только в одном: надо срочно создать оперативно-следственную группу и поручить ей в кратчайшие сроки разобраться в этом чрезвычайном деле.

Радов посмотрел на присутствующих, потом на часы, вздохнув, сказал:

— Давайте подведем итоги. Но прежде всего я коснусь выступления Вячеслава Михайловича. Вы сказали, что интервьюируемый, то есть Самарин, предупреждает некоего «партнера — противника», что не только знает все его намерения, но и готовит ему капкан, так, кажется? Что вы имеете в виду? Террористический акт или, может быть, войну?

— Смотря какой террористический акт, — подал голос Шапошников. — Привычный взрыв в метро или в автобусе не может запомниться на полвека. Мы с трудом помним сегодня, что происходило на Дубровке. Можно только фантазировать.

— Попробуйте фантазировать дальше.

— Возможно, мы увидим «Реалити-шоу» с ядерным взрывом. А дальше схема очевидная: вновь объявить кого-то империей зла, попытаться перекроить мировой порядок, как, положим, в Ираке, а еще раньше в Югославии, и за счет этого выйти из Великой депрессии-2. Ведь все мы помним о предложении Тэтчер сделать из России Верхнюю Вольту и оставить на нашей территории не более 25 миллионов человек. Да что там, шеф Пентагона совсем недавно заявил, что в России его «беспокоят десятки тысяч старых ядерных мин, ядерных артиллерийских снарядов». И что мы, мол, сами не знаем, как с ними быть и где они находятся. Совсем не исключено, что нехорошие исламисты взорвут такой снаряд, якобы украденный в 90-е годы из России, и взорвут его на территории Америки. Вот вам и причина для второго «11 сентября» и введения чрезвычайного положения. Чем не повод для войны, «стимулирующей экономику».

— И все это вы вычитали в интервью Самарина? — с улыбкой спросил Радов.

— Нет, вы меня просили подготовиться по этому интервью, вот я и импровизирую на основе материалов, посвященных этой теме.

— Но если бы вы, Вячеслав Михайлович, положим, готовили это «Реалити-шоу», то, прочитав интервью Самарина, вы бы заподозрили, что ва-

ши намерения разгадали и готовят ответный ход?

— Я не знаю, обратил бы я внимание на все подтексты этого интервью, скорее бы нет. Но есть ведь люди, которые специально этим занимаются. И раз мне пришлось это в голову после внимательной дешифровки, то им тем более удалось бы заметить.

— Спасибо, Вячеслав Михайлович. Вы хорошо подготовились. — Радов выразительно посмотрел на других своих сотрудников, давая недвусмысленно понять, как следует работать.

— Единственное уязвимое место в вашем «Реалити-шоу», Вячеслав Михайлович, это то, что ядерный паритет даже в сегодняшнем состоянии ядерных сил России еще сохранится не менее пятнадцати лет. Так что сегодня подобные игры весьма опасны и самонадеянны. А что касается перекройки мирового порядка и передела России, то уместно напомнить хорошо известные слова великого германского политика, князя Бисмарка, о том, что можно, конечно, попытаться и, может быть, даже добиться расчленения России и русского народа, но цель эта достаточно бесперспективна, поскольку русские, как капли ртути, по прошествии некоторого, скорее всего непродолжительного, времени снова сольются вместе.

Шапошников хотел возразить, но Радов, посмотрев на часы, окинул всех взглядом и стал подводить итоги.

— К сожалению, пока у нас только домыслы, предположения и фантазии. Вот и получается, если Шапошников прав, складывается следующая картина: они, не важно сейчас кто, затеяли нешуточную авантюру. А мы о ней ничего не знаем. Вспомните, никто и подумать не мог тогда, в 1999-м году, о том, что можно справиться с экономическим кризисом вот так, используя мегатеракт — 2001. Никто и помыслить не мог тогда, что американцы и войска НАТО вторгнутся в Афганистан, что базы США появятся в некогда советской Средней Азии. Вот почему необходимо сегодня быть внимательными и, главное, готовыми к таким сценариям. А пока получается следующее: они прочитали, разобрались, что к чему, выкрали автора и рукопись, а у нас в ответ только сквозняк во рту и сотрясение воздуха. Мы даже не знаем, что случилось с лояльным всегда Боревым?

Радов взял бумаги у генерала Смирнова и, придвинув их к Маркову, добавил:

— Должен сказать, что на фоне некоторых весьма грозных внешнеполитических заявлений из Штатов некоторые руководители силовых и дипломатических организаций России уже передавали докладные записки в высшие государственные инстанции. Генерал Смирнов здесь совсем не случайно.

Радов сделал паузу и, вновь посмотрев на часы, закончил:

— Аркадий Сергеевич, возьмите дело под свой неусыпный контроль и докладывайте мне, как продвигается это расследование. Все свободны. Совещание окончено.

Попросив генерала Смирнова и Маркова остаться, Радов стал прощаться с остальными участниками совещания, а Марков взял со стола текст выступления академика Бореева, быстро просмотрел его и, пользуясь небольшой паузой, отошел в сторону. Найдя в своем мобильном московский телефон Бореева, Марков позвонил. Трубку взяла жена Бореева — Людмила Васильевна. Представившись, Марков, не раздумывая, задал главный вопрос:

— Людмила Васильевна, что случилось? Ваш муж собирался написать предисловие к книге Самарина, и вдруг мы читаем такое недоброжелательное интервью о нашем авторе. Неужели Юрий Борисович изменил свое мнение?

— Ни в коем случае, — услышал он в ответ. — Его, голубчик, подставили. Как раз перед выступлением я ему звонила и предупредила, чтобы не лез в эту авантюру. Однако он не смог отказаться. Но поверьте, он и слова плохого не говорил об Алексее Петровиче. Все интервью перемонтировали и выставили его чуть ли не главным врагом Самарина. Поверьте, никакой он не враг! Он возмущен и уже заявил протест. Да вы и сами можете убедиться, позвонив ему.

Людмила Васильевна медленно продиктовала номер телефона. Пока Марков разговаривал по телефону, Радов и Смирнов уже успели одобрить кандидатуру Кирилла Маркова в качестве одного из следователей по делу Самарина.

— Ну вот, — начал Марков после разговора с Бореевой, — все оказывается совсем не так. Жена уверяет, что Юрия Борисовича подставили и что он ни одного слова против Самарина не го-

ворил. Оставила его телефон в Америке, чтобы мы убедились. Будете говорить? — обратился он одновременно к обоим собеседникам.

— Я думаю, что удобнее это сделать вам, Вадим Борисович, — ответил Радов. — Вы вели переговоры о предисловии к книге, и такой звонок будет вполне нормально воспринят. Если позвонит генерал или я, у Бореева сложится впечатление, что мы тут затеваем против него дело, и он совсем перепугается. Хватит того, что его подставили. Теперь о другом.

В этот момент раздался звонок правительственного телефона. Радов, обойдя стол, снял трубку. Звонил посол России в Германии. Разговор шел о приглашении Радова на международную выставку. Радов явно хотел послать своего первого зама, но посол не соглашался, настаивал, чтобы приехал сам Радов. Тогда Радов неожиданно перевел разговор на другую тему.

— Олег Алексеевич, вы слышали что-нибудь о телевизионном интервью академика Бореева в Штатах? Вот как! Очень хорошо! Тогда у меня просьба: не могли бы вы помочь провести пресс-конференцию Бореева у вас в Германии? Олег Алексеевич, по нашим сведениям, академика подставили и он, со слов жены, очень переживает. Выступление на вашей площадке восстановило бы справедливость в этой истории. Лучше в Мюнхене? Ну, хорошо, в Мюнхене так Мюнхене. А кто любит проигрывать информационную войну, дорогой Олег Алексеевич? Не беспокойтесь, мы найдем, как доставить к вам академика. Нет-нет, я шутил, Олег Алексеевич, конечно, приеду, даже не сомневайтесь. Спасибо. Буду звонить. Всего доброго.

Радов положил трубку, и впервые его глаза радостно заблестели.

— Вот приходится торговаться со своими, чтобы других лишить праздника. Так что звоните, Вадим Борисович, Борееву и предлагайте провести пресс-конференцию. Подключите жену, друзей, кого хотите, но необходимо, чтобы из Мюнхена прозвучали слова правды, была дана истинная оценка Самарина и его книги. Договорились?

— Договорились! Тем более я сам собирался в те места. У меня ведь под Мюнхеном контора моего бизнеса, да и медицинская консультация мне там нужна.

— Замечательно!— воскликнул Радов. — Видите, как все складывается! Оформляйте командировку, мы вас поддержим. Проведите пресс-конференцию, подключите прессу, телевидение, сделайте так, чтобы все увидели, что практика двойных стандартов у нас больше не проходит.

— Сегодня же этим займусь, Лев Георгиевич. — Радов сделал паузу, пытаясь вспомнить что-то важное. — Да, вот еще о чем я хотел сказать. Виктор Сергеевич предложил подключить к этому делу вашего сына. Он у вас сейчас где работает?

— В Благовещенске. Заместитель прокурора города. До этого вел большую следственную работу.

— Ну, здесь, в Москве, ему вряд ли предложат такую должность. А вот похлопотать, чтобы его подключили к этому делу, можно попробовать.

— Это как раз то, о чем я хотел вас просить. У моего сына огромное несчастье.

— Знаем, Вадим Борисович, — глухо отозвался Радов, — и глубоко соболезнуем вам. Конечно, ему нужно поменять обстановку. Там ему многое напоминает о случившемся. Вот что, Вадим Борисович, оставьте Наташе его координаты в Благовещенске, а мы с Виктором Сергеевичем подумаем, как решить этот вопрос.

— Спасибо. — Марков попрощался и, оставив исполнительную Наташе адрес и номера телефонов Кирилла, не откладывая в долгий ящик, поехал в офис издательства, чтобы связаться с Борековым.

* * *

Празднование юбилея прокурора Благовещенска Малова Александра Васильевича проходило на даче. В большом белом зале собралось немало гостей, было шумно, то и дело произносились здравицы, выступали приглашенные артисты. Сам юбиляр официально был награжден раньше и, отметив шестидесятилетие и получение ордена «За заслуги перед Отечеством» в кругу коллег и городского начальства, собрал в ближайший выходной на Петровке самых близких друзей и соседей по даче. Место это под Благовещенском называли Петровкой, потому что в свое время здесь да-

вали участки местной милиции, а потом дачный поселок стал расширяться. Место было хорошее, рядом со знаменитой рекой Зеей. Со временем милицию потеснили хозяева города, но название так и осталось прежним — Петровка. Кириллу, как бывшему ди-джею, было поручено вести концерт. Сам Александр Васильевич, крепкий широкоплечий мужчина, сверкая очками, характерно поджав узкие губы, рассказывал в светло-коричневом костюме с орденом на груди между празднично накрытыми столами, с кем-то чокался и выпивал, кого-то приглашал на танец или по просьбе ведущего объявлял следующего оратора. Назначили Малова прокурором города сразу после шумного дела по зачистке Благовещенска ОМОНОм. Тогда пострадало более трехсот человек, раскрутили шумное дело против прокурора. Прокурор, получив инфаркт, ушел. Так закончилась эра «Шамиля» в Благовещенске. Малову пришлось налаживать связи, восстанавливать доверие к своему ведомству. Со временем это удалось благодаря новым людям, приглашенным Маловым. Так появился здесь Кирилл. Вначале заместителем руководителя следственного управления, потом начальником по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью.

Кирилл все время находился на небольшой сцене, откуда было видно всех гостей. То и дело поставленным голосом он лично объявлял следующего исполнителя либо шутил, сыпал анекдотами и как мог развлекал гостей. С Маловым его связывали тесные, дружеские отношения. Когда погибли жена и дочка, именно Малов, чтобы удержать Маркова в прокуратуре Благовещенска, добился назначения его своим замом, да и вообще относился к молодому заму чуть ли не по-отцовски. Когда местная знаменитость, певица Увлекаева, заканчивала свой шлягер — «Китайночка», Малов дал знак, что настало время сказать несколько слов и Кириллу. Под бурные аплодисменты певица пошла на выход, раздались крики «браво», и Малов потянулся к своему микрофону.

— Дорогие друзья, все мы весь вечер находимся под обаянием мастерства нашего ведущего — Кирилла Вадимовича Маркова. Еще в далекой, теперь насквозь буржуазной Латвии,

молодой Марков осваивал азы театрального и эстрадного искусства. Но суровая жизнь позвала его на защиту Отечества, и он оказался в Сибири, где дослужил до заслуженного уважения. О его следственной работе ходят легенды, о суровости прокурора знают те, кому Марков не дал развернуть в нашем городе преступную деятельность. Сегодня он весь день на сцене и чудесно справляется со своими обязанностями. Так давайте же поаплодируем ему и попросим сказать несколько слов в адрес его... его... Кстати, кто я ему? — смеха ради стал спрашивать гостей юбиляр.

Раздались выкрики: «Начальник», «шеф», кто-то громко сострил — «Тамбовский волк».

Но неожиданно подбежавшая к микрофону сотрудница протокольного отдела крикнула через плечо Малова: «Друг».

— Вот! Вот именно — друг! Это правильно. Я благодарен Кириллу за многое и за этот вечер в том числе. Итак, слово предоставляется Кириллу Маркову. Попросим его!

В зале зааплодировали, и Кирилл смешно стал раскланиваться и благодарить.

— В сущности, мне и говорить не надо. Александр Васильевич практически все сказал. Я хотел сказать о дружбе, о нашей нелегкой работе, о буднях и профессии. Но придется говорить о том, что нас всех в этом зале связывает. Придется говорить о любви.

Раздались аплодисменты и женские выкрики:

— Спасибо, Марков! Наконец кто-то вспомнил, что в зале есть и незамужние женщины!

— Кстати, — подхватил Кирилл, — по гороскопу Тельцы и Водолеи в этом году обязательно выйдут замуж и, не побоюсь этого опасного слова, женятся. Но вот вопрос, который мучает народонаселение планеты уже многие годы: когда женщина, как известно, созданная из ребра, а позже добившаяся равноправия, так вот, когда и где она стала решающим, доминирующим фактором в нашей жизни. На вопрос, где это произошло раньше, я думаю, у вас есть правильный ответ.

В зале загудели, раздались невнятные выкрики, но всех перекрыл высокий голос жены прокурора Альбины Андреевны.

— Лучше всего женщина чувствует себя на Советской, 48.

— Правильно, — подхватил Кирилл. — Вспом-

ните или представьте себе, что мужчина приходит на работу в вышеуказанное место. Итак, внизу его встречает со шваброй тетя Настя. — Гости зааплодировали. — Проходишь по коридору и видишь в приоткрытые двери Светлану Николаевну, затем Земфиру Аврумовну. — Вновь раздались аплодисменты. — Поднимаешься на второй этаж, и перед вашим взором величественно предстают Екатерина Валерьевна и Римма Николаевна, и, наконец, вы заглядываете в кабинет к Альбине Андреевне и тут узнаете, как чувствует себя «Царь Александр» и что происходит в нашем грозном ведомстве. — На этот раз раздались бурные аплодисменты. В этот момент у Кирилла в пиджаке зазвонил мобильный. Поскольку в наступившей после аплодисментов тишине звонок был слышен, Кирилл решил, как заправский актер, обыграть его и, вынув телефон, шутливо спросил звонившего абонента: «Так что же происходит в нашем грозном ведомстве?»

— Кирилл Вадимович, — послышалось в трубке, — только что убили командира первой оперативной роты ОМОНа МВД РБ Сашу Сокольникову. — Это звонила дежурная из прокуратуры Настя Колесникова.

Кирилл от неожиданности закричал:

— Где? Когда?

— Он звонил вам, чтобы доложить, что кто-то из известных вам агентов вышел на связь. Чтобы не привлекать внимания, Сокольников поехал один на объект, оценил ситуацию и принял решение проводить операцию. Позвонил, чтобы группа была наготове и чтобы я всех предупредила. Но сразу после звонка, там же, кто-то его ударил ножом в спину. В районную милицию звонили очевидцы. Его забрала «скорая», но по дороге он скончался.

Все гости в полной тишине напряженно следили за разговором Маркова. С Сашей Сокольниковым Кирилл учился на заочном юрфаке в университете. К тому же Саша был самым надежным помощником и близким человеком Кирилла по оперативно-следственной работе. Кирилл много дел передал Сокольникову, когда перешел в заместители прокурора.

— Преступник пойман? — спросил он.

— Пока нет. Не хватает людей. Сегодня же выходной. Есть только группа, с которой Сокольников хотел провести работу по задержанию.

— Хорошо! Не отпускайте никого. Я скоро буду.

Марков тяжелым взглядом окинул притихший зал и тихо сказал:

— Товарищи! Только что на задании погиб Саша Сокольников.

Послышались звуки отодвигаемых стульев, все молча стали подниматься. Через минуту Марков, обсудив с Маловым случившееся, собрался в прокуратуру, чтобы вместо Сокольникова провести операцию. Малов проводил его до машины и категорически потребовал:

— Кирилл, пока не отзовется этот наш китаец, ничего не предпринимай. Слышишь? Не исключено, что его запугали и он стал работать на двух хозяев.

— Не верю. У китайцев такого практически не бывает. По-видимому, он дал Сокольникову сигнал, а сам где-то спрятался и не отвечает на звонки.

— А кто этот китаец?

— У него когда-то украли сестру для такого же мероприятия. Он безуспешно искал ее, вышел на нас, но и нам не удалось найти концов. Тогда он поклялся отомстить и стал нам помогать. Я заеду домой, возьму другой мобильный, номер которого он знает, позвоню, и он ответит. Поверьте, Александр Васильевич, дозвонюсь. Главное, не опоздать. Если будет труп, мы уже ничего не найдем, переправят через Амур, а там до них не доберешься.

— А на каком кладбище в Хэйхэ они готовят «обряд»? — поинтересовался Малов.

— По докладам Сокольникова, китайцы таких покойников на Центральном кладбище больше не хоронят. Слишком трудно добиться разрешения. Так что Сокольников шел по верному следу. На Новом кладбище неделю назад было захоронение какого-то молодого парня, и через три дня пропала «невеста» из нашего института Конфуция при Педагогическом университете. Не волнуйся, Александр Васильевич. И не задерживай! Без меня в этом деле не обойтись. Этот Ян Донгьян никому не ответит, кроме меня. Как бы не опоздать, а то мы только труп «невесты» получим.

— Ну, хорошо! Держи меня в курсе. Вот тебе и юбилей. Теперь одним глазом на телефон буду смотреть.

— А разве до этого не так было? — усаживаясь в машину, спросил Марков.

— Давай, действуй! Всем ни пуха ни пера!

— Хорошо! Поехали! — скомандовал Кирилл водителю.

Черная «Волга» со скрежетом и визгом круто развернулась на бетонированной площадке возле дачи и помчалась в пригород, где находилась квартира Маркова. Еще в машине он перезвонил Колесниковой:

— Настя, Марков говорит. Я еду к себе домой. Вся группа пусть немедленно выезжает по моему адресу.

— Поняла, Кирилл Вадимович.

— Кто старший группы?

— Корольков, кажется.

— Пусть Корольков мне срочно перезвонит.

Марков откинулся на сиденье и сосредоточенно затих. Предстояла непростая задача по отлову недавно сколоченной, но агрессивно действующей в их области китайской шайки. Помимо лесного «предпринимательства», которым китайцы достали все пограничные российские районные инстанции, наркотрафика и торговли поддельными лекарствами, китайские мафиози за последнее время перенесли на территорию России и новый — старый бизнес — торговлю «невестами». Суть его состояла в том, что к умершему неженатому китайцу делалось подзахоронение мертвой невесты. Этот обряд дал повод для множества убийств, совершенных ради наживы предприимчивыми гангстерами. В сущности, на территории России шла спекуляция на давнем китайском суеверии. Китайцы верят не только в загробную жизнь, но и в брачную загробную жизнь, так что свадьба мертвого мужчины с покойной женщиной — дело для китайской глубинки вполне обычное. Однако в последнее время почивших невест стало не хватать, и тогда преступные группировки решили сделать на этих ритуальных браках прибыльный бизнес, поставляя тела убитых девушек для бракосочетания всем желающим за большие деньги. Открылась страшная тайна, что в Китае мертвая женщина ценится гораздо выше, чем живая. Об этом на допросе поведали несколько китайцев, задержанных по подозрению в этом дьявольском бизнесе. Благодаря одному из них Кирилл вышел на Яна Донгьяна и нашупал ни-

точку ко всей группировке. Но, став заместителем прокурора, передал оперативную работу своему погибшему другу Сокольникову. И теперь, кроме Кирилла Маркова, никто не имел доступа к Яну Донгьяну. Но главное, могла погибнуть очередная невинная девушка, назначенная китайской мафией в невесты. Сокольников докладывал, что родственники недавно похороненного китайца уже делают попытки найти захороненную жену своему покойнику. Видимо, об этом конкретнее доложил Сокольникову Ян Донгьян и в целях безопасности скрылся, не отвечая на телефонные звонки. Марков был убежден, что агент не сдал Сокольникова. Скорее Сокольников допустил какую-то ошибку и тут же поплатился. Марков склонялся к мысли, что наружное наблюдение было слабо организовано. Он знал, что и осторожного Сокольникова во время «лова» нередко перехлестывает темперамент и в последний момент он мог сделать неверный ход. Но какую ошибку совершил Сокольников, Марков не знал. Оставалась надежда, что китайский агент не побоится ответить по телефону, который ему лично передал Марков и который считался запасным на крайний случай, когда агент становится нелегалом в определенно засекреченном месте.

Во время этих размышлений раздался телефонный звонок, и Марков услышал голос Королькова:

— Мы выезжаем к вашему дому. Какие задачи будет выполнять группа?

— Корольков, мы выедем на задержание группы китайцев, которые торгуют невестами. Слышал?

— Да, Сокольников говорил об этом. Сколько их может быть?

— Сейчас информация неполная, не хочу врать. Сколько вас?

— Семь человек! Со мной восемь.

— Значит, девять, — добавил Кирилл.

— Хватит? — сухо спросил Корольков.

— Если не числом, а умением, то хватит.

Оба рассмеялись.

— Что же все-таки произошло с Сокольниковым? — не удержался Корольков в конце разговора.

Марков коротко поделился своими соображениями о гибели Сокольникова. Сводилось

все к тому, что Сокольников решил лично без группы поехать на объект. Понимая, что капитан волнуется, и зная, что он совсем недавно возглавил дежурную группу ОМОНа и лишь отчасти в курсе существования бизнеса с «невестами», Марков кратко объяснил, как опасна эта китайская мафия. Но, на удивление, Корольков отреагировал спокойно.

— Не волнуйтесь, Кирилл Вадимович, у меня ребята опытные. Вы правы, важно умело ловить, а кто в сетях, это уже второе дело.

— Конечно, конечно. Это, как говорил Дэн Сяопин: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей».

— Не знаю, это ли имел в виду товарищ Дэн, но и здесь он оказался прав, — пытаюсь подражать китайцам, просюсюкал Корольков. Оба рассмеялись, договорившись о встрече около дома Маркова.

В квартире Марков сразу нашел старенькую «Нокию» и зарядное устройство. Пока телефон заряжался, он решил найти в особой записной книжке телефон Яна. К его удивлению, там же оказался телефон и исчезнувшей сестры Яна.

Ли На приехала из Хэйхэ на курсы по совершенствованию русского с тем, чтобы в дальнейшем преподавать в институте Конфуция. Ли На являлась близняшкой Яна. Брат и сестра были очень привязаны друг к другу. Как и брат, Ли На хорошо знала русский и трогательно на нем изъяснялась. К тому же сестренка была необыкновенно хороша. На ее беду в институте появился один уйгур, преподававший восточные единоборства, в которого Ли На влюбилась. Вскоре красавец уйгур бесследно исчез. А потом пропала и Ли На. Брат поднял на поиски сестры всех, кого было возможно. Ян считал виновником исчезновения сестры уйгура-каратиста, которого он сразу не принял. Уже полтора года брат искал свою сестру. Даже когда шансов оставалось совсем мало, он верил, что сестра жива и находится где-нибудь в неволе. Поиски сестры привели его к Маркову. Потеряв жену, Марков как никто понимал Яна. Это их сблизило, и Ян стал помогать следствию. Вскоре они узнали страшную новость о бизнесе «невест», в котором принимал участие исчезнувший уйгур-каратист. Отныне их дорожки совсем переплелись, и оба надеялись,

что доведут дело до успешного конца. Когда Маркова назначили заместителем прокурора, делом «невест» занялся Сокольников.

И вот теперь Сокольников не стало! Новое исчезновение студентки из Института Конфуция благодаря Яну давало шанс выйти на след этого преступного дела. Марков понимал, что теперь он должен выполнить всю работу сам.

Кирилл достал из кармана рабочий телефон и набрал номер Яна. Но ответа не последовало. После паузы он вновь позвонил, не отключаясь, пока в трубке не раздался осторожный голос с характерным китайским акцентом:

— Говолите, вас слышают. Слысю, говорите!
— еще раз повторил голос. На этот раз Кирилл узнал тембр Яна и как можно спокойнее сказал:

— Ян, привет. Это Кирилл.

Чтобы не пугать китайца, Кирилл решил не говорить об убийстве Сокольникова.

— Ты звонил Сокольникову?— как можно спокойнее спросил он.

— Да, я ему все сказала. Он знает где? Я ему сказала — надо скорее, — быстро, словно его подслушивают, протараторил Ян.

— Дай адрес и мне, я хочу со своей группой выехать туда.

— Не надо. Вам опасно. Или что случилось?

Видно, что вранье у Кирилла не получилось, и китаец начал задавать вопросы.

— Сколько на объекте людей? — перебил Кирилл.

— На улице Лозо тлинадцать, за лестоланом находится 5-6 человек. Но там может быть и «Тигл».

«Тигром» у них значился уйгур. Ян считал «Тигра» особым профессиональным убийцей — везучим и неуловимым. Поэтому Ян никому не рекомендовал с ним встречаться один на один. «Он обманет, даже если будет мертвым», — добавлял он, вспоминая «Тигра». Он и сам мечтал встретиться с ним в бою и последние полтора года занимался восточными единоборствами практически каждый день.

О «Тигре» был предупрежден и Сокольников. Но, по его сведениям, «Тигр» окончательно перебрался в Китай.

— Не надо ехать. Очень опасно, — продолжал уговаривать китаец.

— У нас много людей, не страшно. Я тебе позвоню, когда все закончится. Без моего звонка домой не возвращайся. Договорились? — торопливо предупредил Кирилл.

— Холосё, буду ждать.

(Продолжение следует)

□

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

писатель, режиссер, драматург, заслуженный артист России.

Окончил театральное училище им. Щукина в 1966 г.

С 1966 по 1977 г. был ведущим артистом Московского театра на Таганке. Несколько лет возглавлял академический театр им. Лермонтова в г. Алма-Ата.

Как главный режиссер поставил более пятидесяти спектаклей.

В 1973 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор восьми романов и сборника пьес.

По его роману «Семя Отечества» вышел телесериал «Репортеры». Многие годы ведущий телепередачи «Искатели» на «Первом канале».

Секретарь Правления Союза писателей России, ответственный секретарь

Московской городской писательской организации.

В журнале «Север» публикуется впервые.

